

**«Боже, подари мне ещё двадцать лет.
У меня учёного дела много. Продли мою жизнь, да
кончу всё, что задумано мною».**

Епископ Порфирий (Успенский)

ЛЕКЦИЯ 27

Архимандрит Владимир (Швец)

СВЯТАЯ ГОРА АФОН – ОБРАЗЕЦ ДУХОВНОГО ДЕЛАНИЯ

*К 210-летию со времени рождения и 130-летию со времени кончины
великого русского Церковного историка,
основателя Русской Духовной Миссии в Иерусалиме
Епископа Порфирия (Успенского)*

Всакральной географии всего христианского человечества Иерусалим занимает особое, исключительное место. Это – «центр земли», источник благодатных вдохновений, пронизывающих различные сферы духовности, творчества, культуры, ибо этот город был связан с жизнью Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа.

В феврале 2012 года русская Православная Церковь, а правильно заметить, всё Вселенское православие отмечало 165-летие «Духовному представительству» России на Святой Земле. 24 февраля 1847 года император Николай I высочайшей резолюцией утвердил доклад об учреждении Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

Основание миссии преследовало цели – иметь постоянное представительство РПЦ в Иерусалимском Патриархате для совершения богослужений на церковно-славянском языке, помогать местному духовенству и мирянам обслуживать русских паломников. И такие цели были не случайны, ведь указом Священного Синода от 26 июня 1842 года архимандрит Порфирий (Успенский) направляется в Иерусалим для присутствия там в качестве паломника, а затем после открытия Миссии в Иерусалиме архимандрит Порфирий (Успенский) как глава Миссии.

С этого послушания в Миссии и до самой своей смерти 19 апреля 1185 года перед нашим взором раскрывается жизнь великого учёного – церковного историка, впоследствии епископа Порфирия (Успенского).

Преосвященный епископ Порфирий Успенский родился в 1804 году в Костроме и в мире носил имя Константин. Учился в Костромском духовном училище, Костромской духовной семинарии и в Петербургской Духовной Академии. 15 сентября 1829 года Константин Успенский принял пострижение с именем Порфирий.

20 сентября 1829 года он был рукоположен в иеродиакони, а 25 сентября – в иеромонахи. В 1840 году отец Порфирий был назначен настоятелем храма Русской Православной Церкви в Вене и имел возможность совершать паломнические поездки в Иерусалим, Афон и Ближний Восток.

Уже будучи начальником Русской Духовной миссии в Иерусалиме, на него был возложен 1 мая 1844 года Наместником Иерусалимского Патриархата Мелетием золотой наперстный крест с частицей Живоносного древа, за ревность служения Святому Гробу Спасителя нашего, благочестие и другие христианские добродетели.

Архимандрит Порфирий оставался начальником Миссии до начала Крымской войны (1853–1856 годов), предлогом которой был спор между православным и католическим духовенством в 1852 году из-за обладания святыми местами в Палестине.

В апреле 1858 года архимандрит Порфирий был командирован на Восток исключительно с учёной целью для собирания сведений о церковной архитектуре и живописи, описания библиотек и архивов.

В 1864 году на архимандрита было возложено послушание сделать учёное описание Греческого рукописного Четвероевангелия, поднесённого императрице Марии Александровне 25 июня 1863 года Александрийским Патриархом Иаковом.

14 февраля 1865 года архимандрит Порфирий рукоположен во епископа Чигиринского, викария Киевской епархии, а 7 января 1878 года назначен членом Московской Синодальной конторы и настоятелем ставропигиального Новоспасского монастыря. Ему принадлежит честь открытия знаменитого Синайского кодекса Библии IV века и четыре беседы Фотия, патриарха Константинопольского.

В Новоспасском монастыре епископ Порфирий заканчивает многотомную работу под названием «Книга Бытия моего».

Умер епископ Порфирий (Успенский) 19 апреля 1885 года, во вторник 4-й седмицы по Пасхе, в канун Преполовления.

Прежде чем анализировать историю и духовную жизнь на Афоне, необходимо в какой-то мере ближе ознакомиться с трудами Епископа Порфирия (Успенского).

Книга его «История Афона»

Содержание

Предисловие. Оправдания истории христианского Афона

I. Монашеские, устные и письменные, предания о начале христианства и монастырей на Афоне, и суждения о них

II. Судьба Афона и воспоминания о нём греческих, латинских и других писателей, с 309 года по 676-е лето Господне

III. Оправдания истории христианского Афона мирского

I. Первый круг времени Афонского монашества с 687 года по 830

Глава 1. Заселение Афона монахами. Их обители, управление и быт. Преподобный Петр Афонский.

Глава 2. События на Афоне и в окрестностях его со времени заселения этой горы монахами до вторичного опустошения её арабами, с 676 года по 830-й.

II. Второй круг времени Афонского монашества с 830 года по 971

Глава 3. Вторичное опустошение Афона арабами в 830 году, и начало нового пустынножительства там.

Глава 4. Третье, уже несменное, монашеское население Афона, и столетие его с 870 года по 971.

III. Третий круг времени Афонского монашества с 972 года по 1204

Глава 5. Афонские события в течение последней четверти десятого века.

Глава 6. Афонские события с 1001–1204 годов.

IV. Четвертый круг времени Афонского монашества в века одиннадцатый и двенадцатый

Глава 7. Славянские монахи из Болгарии

Глава 8. Славянские монахи на Афоне из России

Глава 9. Славянские монахи из Сербии

V. Пятый круг времени Афонского монашества (с 1204 года по 1313-й)

Глава 11. Страдания Афонитов от Латин и защита им от Римского Папы. – Киевопечерский архимандрит Досифей на Афоне. – Тогдашнее келейное правило святогорцев. – Афон под властью царей болгарских.

Глава 12. Дар царя Иоанна Ватаци Афонохиландарскому монастырю. Щедроты Михаила Палеолога, оказанные многим обителям на Афоне. – Послание афонитов к сему царю с увещанием не подчинять Православную Церковь Римскому папе. – Появление унии на Св. горе. – Кончина Палеолога. – Изгнание евнухов со Св. горы. – Основание там монастыря Кутлумушского.

Глава 13. События на Афоне в царствование Андроника Старшего с 1283 года по 1313-й

VI. Шестой круг времени сего монашества (с 1313 года по 1453-й)

Глава 14. Передача Афонских монастырей царём под священноначалие Патриарха Вселенского

Глава 15. Щедроты греческих царей афонским монастырям в четырнадцатом и следующем веке

Глава 16. Афон под священноначалием Вселенских Патриархов с 1313 года

Глава 17. Крупные события на Святой горе Афонской

Глава 18. Внутренний быт святогорских монастырей, больших и малых, в это же самое время.

VII. Седьмой круг времени сего монашества под властью турков (с 1453 года по 1861-й)

Глава 19. Протат и великое собрание святогорцев. Образчики делопроизводства их. Водворение турецкого аги на Афоне. Монастыри под управлением Протов и заменившего их Великого собрания.

Глава 20. Хозяйственное состояние афонских монастырей. Распоряжения и притеснения турков. Пособия от греков, болгар, сербов, валахов, молдаван, русских, грузин.

Известно, что до революции 1917 года труды Епископа Порфирия интересовали многих учёных, в особенности А. А. Дмитриевского, Н. П. Кондакова, в советский период этой проблемой интересовался Архимандрит Агафангел (Саввин), ныне Митрополит Одесский, а в последнее время доктор исторических наук, священник Алексей Марченко.

Для того, чтобы глубоко понять Епископа Порфирия, необходимо сделать небольшой экскурс анализа его трудов.

Епископ Порфирий (Успенский) – русский востоковед, византолог и археолог, известный также как непримиримый критик недостоверных фактов, имеющих место в популярной афонской истории. Он был одним из первых русских учёных, которым удалось проникнуть в архивы афонских монастырей и ознакомиться с древними актами греческих и славянских обитателей. Доктор исторических наук протоиерей Алексей Марченко анализирует использованный епископом критический метод исследования.

**«Без правды история есть потешная сказка,
а с нею она – дельное и полезное знание».**

Епископ Порфирий (Успенский)

Жизнь и творчество епископа Порфирия (Успенского) принадлежат той эпохе, когда в отечественной исторической науке происходит становление

критического метода исследования. Рожденный на протестантском западе, в эпоху либеральных реформ 60–70-х гг. XIX в. этот метод начинает широко применяться в церковно-исторических сочинениях русских церковных историков. Новый подход к историческому материалу отрицал принципы, присущие историкам старой формации, в которых крепко сидел «внутренний цензор», заставлявший избегать «чрезмерно смелых» обобщений, выводов и оценок. Наиболее четко новый подход к историческому исследованию был сформулирован академиком Е. Е. Голубинским: «Принимай только то, что выдерживает критику, и отвергай то, что её не выдерживает, без всяких рассуждений о том, благоразумно это или нет».

Применённый как научное новаторство Е. Е. Голубинским и доведенный со временем до совершенства А. В. Карташовым, критический метод в исследовании исторических источников был всецело усвоен епископом Порфирием (Успенским). Если первые активно применяли его в своих трудах по истории Русской Церкви, то Преосвященный Порфирий перенёс его в область церковного востоковедения. Наиболее ярко критический подход к анализу исторического материала прослеживается в трудах епископа Порфирия по истории Афона.

В современных епископу Порфирию многочисленных книгах и брошюрах об Афоне Святая Гора была воспета как удивительное место с абсолютным, непререкаемым ореолом святости, овеянная множеством благочестивых монастырских преданий. Эталонот такой литературы, имевшей цель привлечь внимание русского сердца к Святой Горе, воспитать любовь к афонской святыне, стали сочинения «Святогорца» – афонского иеросхимонаха Сергия (Веснина) (1814–1853). Труды «Святогорца» многократно переиздавались в России большими тиражами и имели огромную популярность. Благодаря широкой известности произведений этого автора, афонские устные предания и поверия заняли особое место в православном народном сознании, став своего рода неписаным правилом благочестивого отношения русских к Афону и его истории.

Отдавая дань литературному таланту «Святогорца». Преосвященный Порфирий довольно резко указывает на научную несостоятельность и мифологичность его сочинений. Он поясняет: «Сергий был поэт, а не историк и не археолог. Речь у него чисто русская, приятная и инде увлекательная. Но в сказаниях его об Афоне много ходячих бредней местных. Посему настоящим и будущим писателям о сей горе советую не увлекаться этими сказаниями. Грешно говорить ложь и неправду о таком святом месте, каков Афон. Эта гора привлекательна только под освещением исторической правды».

Епископ Порфирий стал одним из первых русских учёных, кому удалось проникнуть в архивы афонских монастырей и ознакомиться с древ-

ними актами греческих и славянских обителей: императорскими и патриаршими хрисовулами, сиггиллионами, монастырскими летописями и другими «афонскими дееписаниями», отразившими реальную историю Святой Горы. Оказавшийся под рукой епископа Порфирия богатый документальный материал окончательно убедил его в необходимости вести борьбу с «благочестивой ложью», нашедшей место в популярной афонской истории.

Владыка Порфирий писал: «Немало сказок написано об Афоне торопывыми посетителями этой горы, доверчиво слушавшими тамошних рассказчиков, которые верят в себя как святую истину, но никогда ничем не проверяют своих рассказов. Но ведь жаль, что такое священное место как Афон оболгано, а при такой жалости сильно хочется сказать о нём правду, ту самую правду, которая кроется в архивах афонских...».

Во второй части объёмного сочинения епископа Порфирия «История Афона» (Афон христианский, мирской) содержится критический разбор одиннадцати афонских преданий о начале христианства на Афоне, которые могут быть разбиты на две основные группы: первая – о посещении Святой Горы Богородицею и апостолом Павлом; вторая – о строительстве и возобновлении афонских монастырей и храмов знаменитыми лицами. Особняком стоит предание о перемещении жителей Афона в Пелопоннес и о поселении монахов на Афоне.

Предание о пришествии Богородицы на Афон широко известно православным паломникам всего мира в интерпретации преподобного Стефана Святоторца. Оно утверждает, что Пресвятая Дева Мария, находясь в ожидании Духа Утешителя, вместе с апостолами метала жребий, чтобы узнать, какая страна достанется для проповеди Евангелия каждому Ученику. Богородице досталась Иверская земля. После Пятидесятницы она собралась идти туда, но ангел Божий сказал Ей, чтобы Она никуда не отлучалась из Иерусалима. «Выпавший тебе жребий (Грузия) просветится в последние дни во имя Твое, а теперь предстоит Тебе малый труд пойти в другую землю, которую укажет Тебе Бог».

По просьбе Четвертодневного Лазаря Богородица на присланном за ней корабле отправилась вместе с апостолом Иоанном на Кипр. Внезапно подул сильный ветер и пригнал корабль в Климентову пристань Афонской Горы, которая была наполнена идолами. Там находилось известное всем грекам капище Аполлона. Внезапно афонские идола заговорили и приказали язычникам идти на пристань и «принять Марию, Матерь великого Бога Иисуса». Удивленный народ сошел на берег моря и, взяв Марию с корабля, отнес её на место, где проходили народные обсуждения. Там Пречистая рассказала о рождении от Неё Бога и что зовут Его Иисус. Афонцы уверова-

ли в Него и крестились. Богоматерь поставила им наставником и учителем Климента и сказала: «Вот жребий от Сына и Бога моего». Потом благословила людей и опять сказала: «Благодать Божия пребудет на этом месте и на живущих тут с верою и страхом по заповедям Сына Моего...».

Сопоставив сказание с одиннадцатью древними источниками, повествующими о Богоматери (в том числе сочинениями Евсевия, Сократа, Созомена, Евагрия, св. Андрея Критского, св. Симеона Метафраста и др.) епископ Порфирий пришел к выводу о недостоверности предания о посещении Афона Пресвятой Богородицей. «Ни в одном из них не упоминается, что Она была на Афоне, а в каждом положительно говорится, что Она по Вознесении Господа жила на Сионе в доме Иоанна Богослова до самой кончины Своей, и что уже после смерти Её сей апостол отправился в Ефес...».

Время появления предания епископ Порфирий определил между 1568–1659 гг. По мнению автора, вероятнее всего, его сочинили в правление турецкого султана Селима, который отнял у всех монастырей принадлежавшие им имения. «Сочинили его греческие монахи, завладевшие грузинским (Иверским) монастырём на Афоне...». В эти тяжёлые для Афона годы монастыри выживали исключительно привлечением большого количества паломников. «Оное сочинение их появилось и распространилось в такое время, когда все Афонские монахи волей-неволей стали прославлять свои удельные монастыри и приписывать им небывалую древность по причине соперничества друг с другом». Суждение епископа Порфирия категорично: «Богоматерь не была на Афоне и быть там не думала». Тем не менее, отмечая поздние наслоения, епископ Порфирий усматривает в предании правдивый корень. По мнению автора, речь идет не о подлинном визите на гору Самой Богородицы, а о первом появлении на Афоне иконы Богоматери, которую мог принести туда первый креститель афонитов иерусалимский епископ Климент.

Предпринятая епископом Порфирием попытка переосмысления самого знаменитого афонского предания «О жребии Богородицы и о Её явлении на Афон» до сих пор не вмещается в сознание многочисленных почитателей Святой Горы. В связи с этим «История Афона» и её автор не раз подвергались резкой критике представителей афонского монашества, православной общественности и церковных иерархов. В силу своей принципиальности епископ Порфирий (Успенский) разделил судьбу академика Е. Е. Голубинского, опровергавшего в своих трудах фундаментальное для русской церковной истории предание преп. Нестора летописца о посещении апостолом Андреем киевских холмов и саму идею апостольского происхождения Русской Церкви.

К концу XVII в. епископ Порфирий относит появление предания «О построении Афоно-Каракальского монастыря римским императором Антонием Каракаллою (211–217 гг. по Р. Х.). Согласно этой легенде, Антоний Каракалла, пораженный чудесами св. Параскевы, уверовал во Христа и построил для неё Каракальский монастырь на Афоне.

Епископ Порфирий задался вопросом: «Как монахи каракальские ктиторм своим могли назвать сего императора, идолопоклонника и противника христиан?» Его происхождение связано с той же печальной эпохой турецкого рабства, когда монастыри стали приписывать себе глубокую древность и называть своими царственными ктиторами императрицу Пульхерию, императоров Феодосия и Константина. Некоторые приписывали строительство монастыря Самой Богоматери.

Проблему ктитинства Каракаллы епископ Порфирий решает однозначно: «Каракалл поддался общему искушению и постарался приискать себе царственного ктитора постарше других. Какой-то неграмотный каракаллиот вспомнил соименного монастырю римского императора Каракалла... предложил своим собратьям выдавать его за создателя своей обители».

По мнению епископа Порфирия, не выдерживает критики и является «небывальщиной» цикл ватопедских преданий «О построении храма на месте Ватопедо-Димитриевского скита великомучеником Димитрием Солунским», «О постройке Карейской церкви и монастырей Ватопедского и Кастомонитского при Константине Великом и о разорении их Иулианом Отступником», «О постройке Ватопедской церкви братом императора Феодосия по случаю спасения его сына от потопления», «О возобновлении Ватопеда Феодосием Великим и сыном его Аркадием», «О посещении Ватопеда дочерью царя Феодосия – Плакидией». Все они полны анахронизмов и не подтверждаются ни Византийской историей, ни памятниками афонской древности. «Не должно верить всем рассказам афонским... Ватопедские рассказы хуже складной сказки».

В числе афонских преданий, отвергнутых епископом Порфирием, оказалось повествование «О переселении жителей Афона в Пелопоннес и о поселении на этой горе монахов». Предание имеет особое значение, так как претендует на статус важнейшего свидетельства о начале иноческой жизни на Святой Горе. Оно утверждает, что св. Константин Великий переселил с Афона всех жителей в Пелопоннес и отдал гору монахам. Для них он построил соборную церковь в Карее и монастыри Ватопедский и Кастомонитский.

«Голословность» этого предания епископ Порфирий видит в противоречии его данным византийских историков, которые не упоминают о заселении Афона монахами при Константине. Об этом молчат царские и патриаршие грамоты, пожалованные святогорским монастырям. Наконец,

эта легенда с трудом вписывается в историю самого монашества. «Когда царствовал Константин Великий, монашество только начиналось в Египте, Палестине и Сирии, а в Риме и на всем Западе, в Константинополе, Фракии, Македонии, где и Афон, не было ни одного монастыря.

В противовес преданию об «афонских деяниях Константина» епископ Порфирий выдвинул свою версию заселения Афона монахами, согласно которой мирских жителей выселил с Афона не Константин Великий (IV в.), а византийский император Константин Погонат (VII в.). «Незадолго до Шестого Вселенского собора (680 г.) опустевший Афон был отдан монахам для обитания царём Константином Погонатом, после того как в его государстве с 676 г. водворился мир. Пустынники, монастырские монахи и набожные миряне строили там себе малые обители из материалов опустевших городов и селений, учредив средоточное управление свое под названием кафедры старцев на Афонском перешейке».

Гораздо больше автор «Истории Афона» доверяет афонскому преданию «О строительстве монастыря Есфигмена (421–452) царицей Пульхерией». Опираясь на данные византийских источников, свидетельствующих, что «Пульхерия построила многие церкви, богадельни, странноприимницы и монастыри и всем им по-царски дала достаточное содержание», епископ Порфирий усмотрел одну из церквей Пульхерии в древних развалинах Есфигменской обители. Эту гипотезу он мечтал проверить данными археологии. «Вероятность, надеюсь, обратится в археологическую правду, когда раскопки замечательной развалины Есфигменской выявят христианские памятники века Пульхерии – надписи, монеты, хартии. Не дожидаться мне этой правды; и я пока довольствуюсь вероятностью...».

Только одно афонское предание заслужило всецелое уважение и внимание столь взыскательного историка, как епископ Порфирий. Оно повествует о пребывании в г. Аполлонии (Ериссо), расположенном в верховье Афонского перешейка, апостола Павла.

Когда апостол Павел проповедовал местным язычникам и учил их жить целомудренно и воздерживаться от страстей, тогда некоторые из них, бесстыдные и порочные, решили удержать его силою и осквернить идоложертвенным. Апостол укрылся в стаде волов. Но злоумышленники его обнаружили и окружили. Тогда под апостолом расселась земля, и он очутился в Кассандре (Паллини), в 50 милях от Аполлонии. На месте спасения апостола Павла, недалеко от Кутлумуша, находится небольшой водоём – расщелина, из которой вытекает вода. Монахи почитают эту воду как агиасму апостола Павла.

Чтобы установить подлинность этого предания, епископ Порфирий скрупулёзно исследовал описанную в нём местность и пришел к выводу

о полном соответствии обстановки предания верованиям местных жителей. «Я, к сожалению, не измерил глубины водоёма, потому что не запасся ни веревкою, ни гирькою, да и воды не отведал, потому что она была очень мутна», – сокрушался епископ Порфирий. Подтверждение афонского предания об апостоле Павле Владыка усмотрел в Священной Истории. В книге Деяний апостольских (Деян. 17) упоминается, что апостол Павел из Македонского города Филиппы прошёл Фессалонику через Амфиполь и Аполлонию, которые находятся на афонском перешейке. В результате проведенного археологического и экзегетического анализа предания епископ Порфирий пришел к выводу: «Признаю верным ериссовское предание без мифической обстановки его, признаю, потому что оно согласно с повествованием книги Деяний апостольских и присовокупляю, что апостол Павел в Афоно-Македонской Аполлонии потерпел одно из стеснений, о коих он упомянул во Втором Послании к Коринфянам (2 Кор. 7, 15)».

Таким образом, критика епископом Порфирием популярных афонских преданий привела его к выводу, что большинство из них являются «выдумками», не подкрепленными историческими фактами. Тем не менее, Преосвященный автор «Истории Афона» бережно относится к афонской старине и не отрицает присутствие в сказаниях правдивого основания, скрытого под мусором приукрашений и анахронизмов. Его научные выводы в этом вопросе не идут далее осторожных гипотез. «Не отвергаю этих преданий, потому что они без легендарных прекасов могут подтвердиться открытиями христианских памятников и потому что за них ручается преемство жителей Афона... Не отвергаю, но в ожидании будущих открытий на Афоне пользуюсь ими как указателями исторических вероятностей... Для меня ценна их сущность, а мишурная обложка их дешева так, что не беру её и в придачу», – писал епископ Порфирий.

Строго следуя принципу достоверности, Владыка всецело опирается на научную критику как на лучшее средство приблизиться к истине. Однако его критический метод не является разрушительным оружием основ христианской веры и мало имеет общего с позитивистскими взглядами западных богословов и церковных историков. Священное Писание и Священное Предание Церкви для епископа Порфирия – незыблемая истина, важнейший источник и критерий достоверности всех церковно-исторических повествований.

Подлинность афонских преданий выясняется епископом Порфирием на основе разработанной им оригинальной системы критериев. «Афонские монахи повторяют несколько старинных преданий о начале его и показывают книги и тетради, в которых они записаны. Но достоверны ли эти предания? Подтверждаются ли непрерывною преемственностью

жителей Афона и тамошними деесписаниями, как-то царскими и патриаршими грамотами, судебными делами и четь-минейными сказаниями? Не противоречат ли им? Не выдуманы ли намеренно? Не основаны ли на сновидениях, принятых за откровение свыше, что иногда бывает у монахов? Не искажены ли? Не должны ли быть понимаемы в переносном смысле? Оправдываются ли византийскими историками? Не отвергаются ли здравомыслящими и учеными афонитами как выдумки, сочиненные для корыстного поддержания Афона и для прославления некоторых монастырей... Вот вопросы, которые надобно решать при обсуждении всех тамошних преданий, решать основательно и добросовестно. Без решения их повествование... не возбудит в умных людях ни внимания, ни доверия к историку и будет причислено к разряду тех повестей, кои выдумывает *fraus pia* – благочестивая ложь иезуита. А меня и всех нас да избавит Бог от иезуитства».

Эти слова Преосвященного Порфирия являются не столько руководством к объективному исследованию источников, сколько пастырским призывом к поиску истины, следованию правде как в деле написания церковной истории, так и в жизни каждого из нас. Опыт критического анализа епископом Порфирием афонских преданий может оказаться чрезвычайно полезным в наши дни, так как грубое мифотворчество и извращение подлинного предания по-прежнему является постоянным спутником современной паломнической деятельности. Однако он не может быть универсальным средством современной церковно-исторической науки, шагнувшей далеко за черту компетентности историков сер. XIX века. С епископом Порфирием нельзя согласиться в утверждении, что критика есть универсальное средство обнаружения истины. Отсутствие письменных источников или формальное противоречие им не всегда означает ложность исследуемого церковного предания. Несомненно одно – епископ Порфирий (Успенский) призывает нас к уважению церковной старины и бережному сохранению церковного предания, трезвому его пониманию: «Предание достопочтенно. Но умеите понять и пересказать его».

Затронутые вопросы епископом Порфирием и существование Святой Горы Афон – это доказательство, что существует вечная жизнь. Есть люди, которые это усвоили себе давно и ради вечной жизни отказались от многих явлений, которые привлекают многих в светской жизни и являются центром и радостью для них.

Те, кто отошли от внешнего мира, должны всегда помнить грозное предупреждение, которое услышал Моисей возле Неопалимой Купины: «И сказал Бог; не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля Святая...» (Исход. 3, 5–6).

Протоиерей Сергей Четвериков писал: «Идеал монашества и его назначение заключаются вовсе не в служении ближнему делами благотворительности. Если бы таков был идеал монашества, то не уходили бы в пустыню ни преподобные Павел Фивейский и Антоний Великий, ни преподобные Антоний и Феодосий Печерские, Сергей Радонежский и их бесчисленные ученики и последователи. Что же их влекло в пустыню? Что заставляло их покидать свои дома, своих родных и друзей, идти в непроходимые дебри, подвергаться страшным лишениям пустынного жития? Желание помогать ближним? Но для этого не нужно было уходить от ближних.

Единственной причиной их удаления от мира было пламенное желание освободиться от страшной, губящей душу силы «мира сего» и царствующего в нем «князя века сего». Уходя в пустыню, они сбрасывали с себя все узы мира сего и, освободившись от них не только внешним, но и внутренним, духовным образом, могли нераздельно, всем сердцем прилепиться к единому Богу и предаться великому подвигу очищения своего сердца от страстей.

Не случайно в Акафисте Божией Матери «Скоропослушница» такие слова, которые затрагивают сердце человека –

Икос 12: Поющее чудеса Твоя, Владычице, и велию милость Твою к христианскому роду, вемы, яко не довольни есмы к достойному прославлению Тебе, честнейшия херувим и славнейшия без сравнения серафим, обаче, надеющееся на безприкладное милосердие Твое, Всеблагая, смиренномудренно приносим Ти песни таковыя: Радуйся, пристанище небурное подвижников благочестия; радуйся, безмолвствующих сладкая собеседнице. Радуйся, в пустынях и горах скитающихся благодатная отрадо; радуйся, тайных среди мира рабов Божиих тайное вразумление. Радуйся, грешников кающихся с Богом примирение; радуйся, Горы Афонския верховная правительнице. Радуйся, Петра пустыннолюбиваго посещением Твоим zde озарившая; радуйся, Афанасия богомудраго явлением Твоим zde облагодатствовавшая. Радуйся, многия преподобныя Афонския славою небесною прославльшая; радуйся, насельником горы сея особую любовь Твою являющая. Радуйся, телес наших безмездная Целительнице; радуйся, душ наших к Царствию Горнему Путеводительнице. Радуйся, всеблагая Скоропослушнице, прошения наша во благо исполняющая.

Следовательно, святых угодников Божиих можно сравнить с многоцветными, яркими цветами. Краски всеразличные, но написаны кистью Одного Художника. Как сказал апостол Павел: «Дары различны, но Дух один и Тот же, и служения различны, а Господь Один и Тот же (1 Кор. 12, 4–5)». Эта истина подтверждается каждый раз, когда мы узнаём о жизни праведных монахов Горы Афон.

О преподобном Антонии Печерском

В конце XIX века со Святой Горы Афон на Русь была прислана икона, писанная неким святогорцем, простая и трогательная, как детская картинка. Изображены на ней стоящие на киевских горах апостол Андрей Первозванный и преподобный Антоний Печерский. Апостол Андрей держит в одной руке Евангелие – запечатленный символ Бога Слова, проповедуемого им по всей Скифии; другой, слегка приподнятой ладонью вверх, указывает на расстилающийся ландшафт, заставляя вспомнить своё пророчество, сохраненное «Повестью временных лет»: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей». И как бы ответствуя на этот призыв, преподобный Антоний, пришедший на указанное место тысячу лет спустя, стоит, спокойно опираясь на посох, со свитком, на котором начертано: «Аз не к тому боюся Бога, но люблю». Между ними – стены, кельи и храмы Киево-Печерского монастыря, а над всем этим на облаке осиянная солнцем Пресвятая Богородица развернула Свой омофор – Свой пречистый покров над страной. Таким образом восприняла Русская Церковь преемственность от первого из апостолов, призванного Самим Господом. Длительный был путь у нашего преподобного – страннический посох на иконе свидетельствует об этом – от черниговской земли до Афона, и обратно на Русь, которой суждено было стать третьим уделом Богородицы, врученной, как и Святая Гора, Её особому попечительству.

Материк православия

Афон – небольшой отросток Халкидонского полуострова, который в своё время с евангельской проповедью обошла Сама Богородица и на котором издавна селились отшельники, – начал складываться в своеобразную монашескую республику лишь к исходу первого тысячелетия христианской эры. Первый монастырь – Великая Лавра – там был основан в 961–962 годах преподобным Афанасием Великим; в дальнейшем здесь возникло двадцать больших обителей и десятки маленьких скитов, келий и пустынок.

Монах Парфений из Троице-Сергиевой Лавры писал:

«Святая гора Афон – классическая монашеская школа. Греческий полуостров, на котором расположено 20 крупных мужских монастырей. «Место сборки» и обновления для всех монахов Вселенской православной церкви, к которой относится УПЦ. И вообще – святая земля, куда мечтает попасть православный верующий человек».

Мечтать могут все; а вот реально попасть – только мужчины. Женщинам максимум разрешено проплыть мимо на кораблике. Дело в том, что Афон считается земным уделом Божьей Матери. По преданию, Дева Мария и евангелист Иоанн отправились в морское путешествие, но попали в шторм. Чудом оставшись в живых, они пристали к подножию горы Афон (теперь на том месте расположен Иверский монастырь). Поражённая красотой этих мест, Матерь Божья попросила Господа сделать Святую гору Её земным уделом. По завету Богородицы, ни одна женщина, кроме Нее, не может ступить на землю Афона. В 1045 году при византийском императоре Константине IX Мономахе приняли устав для афонитов, официально запрещающий женщинам и даже домашним животным женского пола находиться на территории Святой горы. За нарушение закона женщинам и сейчас грозит от 2 до 12 месяцев тюрьмы.

История монашеского Афона начинается с VIII века, когда Афанасий Великий основал Великую Лавру на Афоне – первый монастырь. Изначально на Афон пришли монахи из Египта, потому что там начались гонения на христиан, появилось мусульманство, начались религиозные войны, и монахи уже не имели покоя нигде, даже в пустыне. Они начали искать себе прибежище и пришли на Афон. Поэтому есть четкая преемственность монашеской школы от Афанасия Великого, родоначальника монашества, и до наших дней. Это единственное место на планете, где сохранилась непрерывная монашеская традиция.

Для глубокого осмысления об Афоне необходимо в какой-то мере проанализировать хотя бы часть литературы, касающейся этого особого уголка мировой христианской истории.

Святая Гора Афон – особое место для русского человека. Десятки тысяч простых людей на последние свои средства отправлялись в дальний путь, чтобы поклониться её святыням. И поэтому особенно печально, что мы мало знаем о наших соотечественниках, подвизавшихся в этом святом месте в конце XIX – начале XX века. Это схимонах Силуан, иеромонах Феодосий, схимонах Никодим и некоторые другие подвижники. Но на Афоне в те годы подвизались тысячи русских монахов. Ради чего они покинули Родину? Какова была их духовная жизнь? Первая мировая война и революция не только почти полностью уничтожили русское братство, но и заставили нас забыть о русском Афоне.

Когда в XIX веке после афонского запустения началось возвращение русских на Афон, обнаружилось, что у них нет больше обители, в которой можно было бы придерживаться привычного общежительного устава, и врата которой были бы открыты для прибывающих новичков. Пантелеймонов монастырь, русскую обитель, в те годы населяли греки и из-за разного рода

искушений русским было трудно там жить. Тогда было предложено устроить место под названием Серай, и через некоторое время на Афоне появляется первая обитель великороссов. Вскоре оказывается, что выбор был неслучаен и эта обитель уже своей историей связана с Русью. Ею в разные годы владели два Константинопольских Патриарха: оба они кончили свой жизненный путь на Украине, причем в одном и том же монастыре – в Лубнах. Первый стал почитаемым у нас святым-святителем Афанасием, а второй – возобновитель кельи, патриарх Серафим, подвизавшийся в XVIII веке, – был большим другом России и у неё нашел в трудную минуту прибежище и защиту. Вскоре выяснилось также, что храм келлии Серай в древности был посвящён святому апостолу Андрею Первозванному – покровителю Руси.

Обо всём этом рассказывается в первой главе книги Павла Троицкого «История русских обителей на Афоне в XIX–XX вв.». Эта книга, продолжающая его труды «Андреевский скит и русские келлии на Афоне» и «Русские на Афоне. XIX–XX век», является результатом анализа всей дореволюционной русской литературы об Афоне. Автор приводит подробные сведения о Свято-Андреевском скиту, его расцвете и упадке, о святынях, подвижниках, о чудотворной иконе Божией Матери «В скорбех и печалех Утешение» и чудесах, явленных через неё в России, о значении обители для Русской земли.

Только часть русских монахов смогла найти себе пристанище в Пантелеймоновом монастыре, Андреевском и Ильинском скитах. Но на Афоне существовала возможность приобрести келлию на территории греческого монастыря, заплатив значительную сумму и подписав соответствующий договор на аренду (омологию). Там, где келлия переходила в русские руки, конечно же, появлялись новые и новые соотечественники. И вот по Афону начинают расти маленькие келлии, число монахов в которых иногда достигает сотни: Златоустовская, Троицкая, Крестовоздвиженская... Чтобы наладить духовную жизнь новых обителей, обеспечить насельников средствами к существованию, дать молодым монахам духовное образование и защитить от несправедливых нападков, 14 мая 1896 года создаётся Братство русских келлий.

Энергия простого русского верующего человека получает возможность воплотиться в реальные дела. Строятся прекрасные храмы, открываются издательства и миссии, организуются монашеские школы, подворья в России и Константинополе. Русские афонцы восстанавливают заброшенные монастыри на Святой Земле, на территории современного Ливана, возрождают знаменитую Высоко-Дечанскую Лавру в Сербии.

На юго-западе Афонского полуострова, на берегу моря, есть место, называемое «Каруля». На скалах, кажущихся с моря неприступными, издревле

жили строгие подвижники, которым передавали пищу с моря с помощью особого подъёмного устройства (отсюда и название скита – «Каруля»).

Историк Михаил Талалай, в настоящее время проживающий в Италии, составил путеводитель «Русский Афон», в котором рассказывает о своём опыте паломничества на Святую Гору. Красочные описания он дополнял изложением святогорских былей, преданий, традиций, архивных сведений, агио- и биографий, практическими советами паломникам. Украшают книгу редкие качественные фотографии, как архивные, так и современные.

Одна из книг об Афоне принадлежит перу русского писателя-эмигранта Владислава Маевского (1893–1975) и никогда не издавалась в России полностью. Она подводит итог его многолетних усилий по сохранению Русского Афона в условиях фактической административной блокады Святой Горы правительством Греции в 1950–1960 гг. Цикл «Афонские рассказы» В. Маевского вместе с очерком Бориса Зайцева, безусловно, принадлежит к золотому фонду русской литературы об Афоне XX века.

Иеромонах Аникита (в миру князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов) недолгое время пробыл на Афоне, но именно он положил начало возрождению Русского Афона в XIX в., ввёл русских монахов в Пантелеймонов монастырь, населенный в то время одними греками, объединил разрозненных прежде русских иноков. Его путевые заметки «Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока в 1834–1836 годах» составили величественное повествование.

В скором времени выйдет новый труд сербского писателя Павла Рака «Вертоград Пресвятой Богородицы». Писатель уже известен по книге «Приближения к Афону». Его новая книга – результат более чем тридцатилетнего знакомства со Святой Горой и изучения современного монашеского опыта. Написана она красочно, прекрасным языком.

Готовятся к печати «Записки поклонника Святой Горы» архимандрита Антонина (Капустина) и воспоминания профессора А. Дмитриевского о первом русском игумене Пантелеймонова монастыря Макарии (Сушкине).

По книгам «Русский Афон» можно проследить историю умирания русских келлий. Первая мировая война, революция – все эти беды с неизбежностью вели русский Афон к гибели. Последний русский келлиот, насельник русской келии «Белозёрка», умер в 1968 году.

Но эта серия – отнюдь не реквием по русскому монашеству. Её главная цель – обобщить опыт предыдущих веков, изучить и освоить который из-за трагических событий XX века не было возможности ни у монахов, ни у историков, ни у писателей.

На Афоне русских монахов поджидало множество искушений. Это и свобода, которая после строго регламентированной жизни в России мог-

ла опьянить, и национальная вражда со стороны других народов, особенно греков, и недовольство части общества чрезмерной активностью русских афонских монахов, и возможность излишне погрузиться во внешнюю деятельность в ущерб внутренней.

У нас есть прекрасная житийная литература, но нам явно не хватает православной исторической литературы, которая приводила бы объективные исторические факты и давала бы им разумные объяснения. Понять, осознать прошлые искушения и ошибки – это способ избавиться от новых.

История Земля на полпути между небом и землёй

Гора Афон – это особая земля, на полпути между небом и землей. За последние 1300 лет она заняла особенное положение среди всех других стран на земле; образ жизни на Афоне не подчинён мирским законам.

Афон населён мужами, которых не удовлетворяет ничто из того, что может предложить мир. Они стремятся к большему, чем материальные блага и земные красоты. В поисках этого большего они и отправились на Святую Гору Афон, где кончается земля и начинается небо. Благодаря многотерпению и ежедневным подвигам они находят искомое и живут так, имея величайшее сокровище. И сокровище это – этот кусочек неба – они сохраняют до конца жизни.

На Святой Горе мужи те ведут новую жизнь – жизнь, дающую им предощущение будущего блаженства. Души их вдохновляются мыслью о вечности, которая, словно вечная весна, ободряет и утешает, когда становится по-зимнему тяжело.

Русский Афон

Появление на Афоне «русских» монахов относится к древнейшему периоду истории Святой Горы. Под одним из актов Великой Лавры (февраль 1016 года) стоит подпись Герасима, «монаха, милостью Божией пресвитера и игумена обители Роса...». По сообщению «Повести Временных Лет» под 1051 годом, Святую Гору посетил преподобный Антоний Печерский, который был там пострижен в монашество и отправлен обратно в Киев с благословением и пророчеством о том, что от него «мнози черньци имут бытии на Руси». По афонскому преданию, преподобный Антоний подвизался на Святой Горе в пещере близ Эсфигмена.

Первый русский монастырь на Афоне – Древодея (современный Ксилургу) – был посвящён Успению Пресвятой Богородицы. Впервые Кси-

лургу упомянут в акте 1030 года. Из акта 1169 года следует, что Ксилургу – обитель русских. В 1169 году русской монашеской общине Ксилургу по просьбе её настоятеля Лаврентия был передан на все последующие времена пришедший в упадок монастырь Солунянина, возникший в X веке и освященный во имя великомученика Пантелеимона.

Монахи из славян, среди которых, возможно, были и русские, подвизались также во многих греческих обителях: преподобного Григория, Костамоните, Кутлумуше, Филофее, преподобного Ксенофонта, Ксиропотаме и др. С тех пор связь Древней Руси, а затем России со Святой Горой не прерывалась, хотя в годы монголо-татарского ига была не столь интенсивной, как в более ранние и последующие времена. Афон для русского монашества всегда был живительным родником, питавшим его корни. После сложных периодов упадка и разлада в монастырской и церковной жизни в России всегда приходила помощь со Святой Горы, и следовавшие затем подъём и обновление подвижнической жизни в русских обителях благотворно влияли на укрепление веры и благочестия русского народа.

Всенощное бдение на Святой Горе

Надобно заметить, что ночное время для молитвы святые отцы особенно потому избрали и законоположили нам, что в ненарушимой тишине ночи ум бывает светлее и чище, мысль возвышеннее и сердце теплее к Богу, так что тогда молитва легко, как на крыльях ангельских, несётся в небо в невозмутимом спокойствии и чистоте духа. Сам Господь Иисус Христос с Своём собственном Лице указал нам образец истинного молитвенника, часто удаляясь на молитву ночью, и притом на гору. И все отцы Церкви и истинные подвижники подражали Ему в этом, посвящая ночь исключительно молитве; то же они передали и нам.

Здесь бдения невыносимы для прихотливой плоти. От этого-то многие из любителей неги и сладкого и долгого сна вопиют немолчно противу святогорских законоположений в рассуждении церковных служб, логически доказывая, что Бог не требует таких подвигов, что от усилия и напряжённости ума и духа не может быть ни теплоты, ни чистоты в молитве, и мало ли что ещё выражают! Совершенная правда, что Бог не требует подвигов свыше силы. Самое Его Евангелие в духе не законодательства, а убеждений, и под условием: если кто хочет. При всём том молитву слово Божие не ограничивает ни временем, ни местом, но трогательно излагает её плоды и благотворность, и в такой степени, что без неё ничего не дастся нам и не может быть безопасен самый жизненный путь. Одним словом, Господь молитву ставит в равной степени с дыханием, так необходимым

для нашей жизни; и поэтому-то и сказал через Своего апостола: Непрестанно молитесь (1 Сол. 5, 17)...

Пресвятая Игумения Афона

Бывает иногда, и очень нередко, что Сама Божия Матерь не выпускает отсюда тех, кого любит особенно... Рассказывают, не так давно попущением Божиим враг воздвиг на одного молодого инок жестокую плотскую и мысленную брань. Как ни молился бедный инок – всё напрасно: брань не только не утихала, но ещё более усиливалась, так что отчаявшийся подвижник впал в недоверчивость и говорил себе, что нет живущим здесь ни заступления, ни помощи от Царицы Небесной.

Рассудив так, смутившийся подвижник собрал свои пожитки, сложил их в торбу и пустился в путь. Переходя с холма на холм по каменистым тропам, он скоро выбился из сил. Присел отдохнуть, приклонился к дереву, и тихий, самый легкий сон упокоил его усталые чувства. Что же ему привиделось? Девица Божественной красоты и царственного величия, осияваемая дивным светом, подходит к нему в сопровождении нескольких юношей ангельского вида. «Куда собрался, брат?», – кротко спросила Она. «В мир», – простодушно отвечал инок и с чувством рассказал Ей своё горе, присовокупив, что подвижникам здесь совершенно нет никакой помощи от Божией Матери. «Воротись назад, – сказала с улыбкой Явившаяся, – и будь уверен, что твоя брань пройдет, а что касается твоих слов о Божией Матери, то ты ошибаешься. Она заботится о Своих подвижниках и никогда не перестанет заботиться. Воротись же, брат», – повторила Она и тронула его торбу с намерением снять её с плеч.

Инок от этого прикосновения очнулся, но никого уже не было перед ним, и только тихая и неизъяснимая радость играла в его сердце.

Праздник Святой Горы

Явление Иверской иконы Божией Матери в 999 году на море, напротив недавно построенного Иверского монастыря. Справедливее было бы сказать, что престольный праздник в Иверском монастыре – это праздник всей Святой Горы, так как эта икона была благословением Пресвятой Богородицы всем монашествующим в Её Втором уделе на земле, а Иверскому монастырю, промыслительно основанному незадолго до явления святыни (в 980 году) представителями царского рода Багратидов преподобным Иоанном (в миру Варазваче Чордованели) и сыном его преподобным Евфимием, было доверено стать хранителями иконы.

Преподобные Евфимий и Иоанн пришли на Святую Гору в 965 году и первоначально подвизались в Лавре преподобного Афанасия. Около 969 года на Афоне принял монашеский постриг с именем Иоанн прославленный грузинский полководец Торнике Эристави. За ним последовали многие грузины, так что вскоре встал вопрос об устройении отдельного грузинского монастыря.

В 979 году греческий император Василий II призвал ставшего монахом полководца, чтобы дать отпор мятежным войскам Варды Склира, пытавшегося захватить власть. 24 мая 979 года произошло решающее сражение неподалёку от Эфеса. Воинская доблесть и опыт Иоанна, ставшего во главе 12-тысячного грузинского войска, помогли императорским войскам одержать победу. В благодарность за помощь император дал Иоанну средства, на которые и был построен Иверский монастырь усилиями преподобных Иоанна и Евфимия. Сам император Василий II взял монастырь под особое покровительство и даровал ему полное самоуправление. Тогда были построены в обители великолепный храм в честь Успения Божией Матери и храм в честь святого Иоанна Предтечи. Первым игуменом монастыря стал преподобный Иоанн.

О силе молитвы и милости Царицы Небесной, Пресвятой Игумении Афона

История иконы Божией Матери «Троеручица» началась в VIII веке в Дамаске: она в то время, ещё никому не известная, находилась в покоях богатого и знатного вельможи по имени Иоанн, который был первым министром калифа. Он был ревностным христианином, превосходно знавшим Священное Писание, церковные каноны и церковную историю.

В 716 году на византийский престол вступил Лев Исаврянин, оставивший в истории недобрую память жестокими гонениями на святые иконы. Защитником иконопочитания и истинной православной веры стал Иоанн, будущий преподобный Иоанн Дамаскин. Он писал письма своим друзьям в Греции, которые переписывались и передавались из рук в руки. Коварный император приказал подделать почерк Иоанна и подложное письмо отправить калифу как доказательство измены его министра. Калиф пришёл в ярость и приговорил Иоанна к казни: руку, написавшую «изменническое» письмо, приказано было отсечь и повесить на городской площади. Иоанн не стал оправдываться и просил только о единственной милости — вернуть ему отсеченную руку.

Иоанн заперся в своих покоях и горячо, со слезами молился перед иконой Божией Матери об исцелении его руки, чтобы снова писать гимны

в честь Неё и защищать святые иконы. Исцеление было даровано, причём Сама Царица Небесная явилась праведнику и благословила его на труды. Радость, восторг, благодарность – всё это слилось в дивном песнопении «О Тебе радуется», а к иконе Иоанн приложил серебряную руку в память о свершившемся чуде.

Кто возвестит величия Твоя, Дево?

[Кто] слышаны сотворит вся хвалы Твоя (Пс. 105, 2), Богоотроковице? Ты явилась Божией Матерью, соединила ум с Богом, соединила Бога с плотью; Бога соделал Сыном Человеческим, а человека – сыном Божиим. Ты примирила мир с Творцом, делами показала нам, что созерцание (богомыслие) истинно приходит к людям не столь путём чувственных понятий или даже мышления, но гораздо больше путём очищения ума и причащения Божественной благодати.

Ты даровала нам и телесными глазами увидеть Невидимого, приявшего образ и вид нас, людей; прикоснуться к Невещественному и Неприкосновенному, восприявшему материю. Ты вскормила нашей, человеческой пищей Кормильца Ангелов, Ты вскормила нас воистину чистой и небесной пищей. Людей, ведущих подобный образ жизни, Ты поставила наравне с ангелами, лучше же сказать – удостила и больших дарований, действие Святого Духа зачавши и чудесно родивши и неизреченно соделав сродным для Божественного естества человеческое естество...

Так сохраним же божественно соделанное в нас единение с Богом и друг с другом, держась законов любви. Будем всегда взирать на Небесного Родителя. Оставим землю, потому что мы больше не земные, сущие из земли, каким был первый человек, но, как Второй Человек, Господь, мы – небесные. Горе (ввысь) будем иметь наше сердце к Нему. Будем созерцать великое сие видение: наше естество, совечное духовному пламени Божества, и, отбросив кожаные ризы, в которые мы облеклись вследствие преступления, станем на земле святой, святую землю каждый сам в себе являя путём добродетели и твердого устремления к Богу, так, чтобы нам возыметь дерзновение, когда Бог явится в огне...воссиять и вечно сопребывать сияющими. Во славу Его высочайшего света, трисолнечного и единоначальнейшего Сияния, Которому подобает всякая слава, держава, и честь, и поклонение ныне и присно и в нескончаемые веки. Аминь.

Русский Свято-Пантелеимонов монастырь

После правления Петра I в России усилилось иностранное влияние, наступила бироновщина, во время которой связь русских афонских иноков с их далёким отечеством была потеряна. Свято-Пантелеимонов монастырь

постепенно стал приходить в упадок. Наконец, во время Русско-турецкой войны, когда русским монахам нельзя было приходить на Афон, монастырём завладели греки. Они начали закладывать принадлежащие ему земли другим монастырям, перестали ремонтировать его здания, а когда русский монастырь стал разрушаться, совершенно покинули его и перешли в небольшой монастырь Воскресения, выстроенный на земле русского монастыря, на том месте, где теперь возвышаются здания нынешней Пантелеимоновой обители, получившей название Нового Русика. Оставленной греками обителью, которая называется Старым или Нагорным Русиком, завладел один чабан, находя, что прилегающая к этому монастырю плодородная равнина составляет весьма удобное пастбище для его трёхтысячного стада козлов...

В начале XIX столетия Протат порешил исключить русскую обитель из Афонских монастырей. Но тогдашний Патриарх Каллиник взглянул на дело иначе. Он признал, что причинной упадка Свято-Пантелеимоновой обители было уничтожение в ней общежития, выразил в синодальном собрании мнение о необходимости возрождения монастыря и в 1803 году предписал ему немедленно приискать духовно опытного старца, которому можно было бы поручить восстановление общежития в монастыре и самого монастыря...

Первые признаки возрождения монастыря наметились лишь в конце 30-годов XIX столетия, когда греки пригласили иеромонаха Пала, духовника и старца, и вокруг него собрался кружок русских монахов, в то время как всеми делами в монастыре правили греки. Однако старец Павел вскоре отошёл ко Господу, и вместо него из монастыря Ставроникиты был приглашен русский монах Иоанникий, вскоре принявший схиму с именем Иероним. Он стал старшим духовником и руководителем русской общины. При нём началась и при его преемнике игумене Феодосии завершилась успешно борьба за самостоятельное обеспечение своё и братий в чужой стороне. Слава о высокой подвижнической жизни отца Иеронима и его духовная опытность стали привлекать в Пантелеймонов монастырь русских иноков.

В 1841 году отцу Иерониму с братией был разрешён сбор пожертвований в России, результатом которого явилось сооружение заложенного в прежние годы храма во имя святителя Митрофана, ремонт старых и постройка новых монастырских зданий. С 1856 года помощником отца Иеронима стал иеромонах Макарий (в миру Михаил Иванович Сушкин, сын потомственного тульского купца). Ему было суждено стать первым русским игуменом русского Пантелеймонова монастыря.

Современные старцы Горы Афон Странные камнепады

Молодой пекарь из Фессалоник Афанасий почувствовал нежелание жить далее мирской жизнью и решил принять монашескую схиму и жить в святом монастыре Дионисиат. Послушника Дионисиата, его отправили на подворье в Моноксилитис готовиться к принятию монашества.

Тем временем, родители его в Фессалониках не могли примириться с решением единственного сына. Они готовы были перевернуть небо и землю, чтобы «спасти» его, вернуть обратно в мир. Стали искать они помощи даже у бесов при помощи магии и колдовства.

Афанасий вдруг постоянно стал ощущать какую-то тяжесть, словно груз какой давил на него. Он и сам в прежней жизни своей знаком был с магией, а потому верно определил, чем занимаются его родители. Боль постоянно усиливалась. Что-то очень неприятное нависло над ним. Он стал чаще молиться, особое внимание в молитве Господней уделяя словам «избави нас от лукаваго».

Братия Моноксилитиса сначала ничего не подозревали. Однажды утром после службы, когда он вместе с другими готовился выйти на работы, на них вдруг неожиданно сверху из леса начали падать камни. К счастью, ни они, ни имущество подворья не пострадали. Немного обождав и думая, что это неосторожность каких-то прохожих, они принялись было за работу. Но сзади на них снова полетели камни. Тогда они поняли, что происходит что-то серьёзное, и скрылись в церкви. Камнепад прекратился, но любая попытка выйти из храма возобновляла его. Отцы обратили внимание, что вместе с камнями сверху падают и табуретки, и деревянные формы для стасидий, и другие предметы. Вдруг собаку их отбросило метра на три от того места, где она лежала.

Скоро, извещённые об этих событиях, прибыли из Карее полицейские. Они обыскали те места, даже постреляли в том направлении, откуда летели камни. Наконец, все поняли, что это дело рук не людей, а врагов невидимых.

Тогда послушник Афанасий решился объяснить причину происходящего.

«Чтобы вы поверили мне, – сказал он, – давайте я один пойду вон туда, к маленькой церкви св. Артемия, и вы увидите, что камни полетят за мной».

Так и случилось. Камни густо падали вокруг него, впрочем, его не задевая.

После этого его одного оставили в церкви. Эконом подворья отец Порфирий отправил письмо прислать лодку из монастыря за ним. С того момента, как Афанасий вышел из церкви, и до минуты, когда он вышел из

лодки в гавани монастыря, происходили ужасные вещи. Слава Богу ещё, что лодочники не падали в обморок от ужаса. «Падение камней не прекращалось и на море, хотя они были на значительном расстоянии от берега. Камни продолжали падать, но, к счастью, вокруг лодки, не причиняя никакого вреда» (Отец Гавриил Дионисиатский, «Новое Эвергетинос», с. 65).

По пути от берега до монастыря всё было спокойно. Поэтому кое-кто стал говорить, не привиделось ли всё это. Однако град камней с ближней к ним башни заставил его умолкнуть.

Немедленно собрался Совет Старцев и вынес решение «послать новообращённого к Богоносному Старцу отцу Савве...чтобы тот ему помог». По общему мнению отцов, молитвы отца Саввы могли изгнать злых духов.

Калива Воскресения пережила неделю трудных испытаний. Атмосфера была военной – открытой войны между силами света и тьмы. Оглушительный шум стоял постоянно. Огромные булыжники слетали с близлежащих скал, пролетая мимо и над каливой и с жутким треском падали с обрывов в море. Окрестности потрясали яростные голоса, изрыгавшие богохульства. Звучали хулы – обычные хулы на всех монахов, но особенно – на отца Савву. Зловония адские изливались наружу.

Божий угодник, несмотря на свой преклонный возраст (это были последние годы его земной жизни), вступил в великую битву. Неделю он непрестанно молился и держал полный пост. «Сей род не исходит, токмо молитвою и постом» (Мф. 17, 21). Его сострадательное сердце не могло вынести зрелища страданий, которым подвергались создания Божии.

В конце недели Старец, храня непоколебимую свою веру в Воскресшего Христа, приблизился к страдальцу. Злой дух заволновался.

«Изгоняю тебя...дух нечистый...именем Бога, Словом Своим сотворившим мир, именем Иисуса Христа...Убирайся со страхом, исчезни, отыди от Божия раба Афанасия...».

И свершилось так. Казалось, изо рта Афанасия что-то вылетело. Исчез нежеланный гость, как дым исчезает. Слова, произнесенные одухотворёнными устами отца Саввы, поразили беса как огненный меч. Послушник обрёл мир и вздохнул с облегчением и с безграничной радостью и благодарностью припал к ногам отца Саввы, целуя их и орошая своими слезами.

«О, угодник Божий, ты спас меня, ты снял с меня ужасную тяжесть. О, благодарю тебя. Ты избавил меня от ужасного змия. Слава Тебе, Господи!»

Афанасий ещё на несколько дней остался со своим избавителем. Затем по его благословению отправился в скит Кутлумуша, где и остался. Отец Аввакум – такое имя воспринял он при постриге – выделялся среди отцов суровой аскетической жизнью. Никогда не забывал он дорогого ему Старца, спасшего его от власти дьявола.

Монах, впавший в одержимость чрез гордость свою

Старец Силуан Афонский (1866–1938), познавший милостью Духа Святого небесную сладость смирения, писал: «О, богоугодное смирение! Сладки плоды твои, ибо они не от мира сего...О, смиренная душа! Ты, как цветущий сад, в глубине которого есть дивные уголки, которые любит посещать Господь».

Случай этот произошел в Катонакии в 1914 году в каливе Рождества Христова, где подвизался Макарий, немного ниже каливы старца Игнатия. В те дни в общине старца Макария было много работы: отцы надстраивали над каливой своей второй этаж. Работа продвинулась уже далеко, сооружалась крыша.

«Чада мои, сказал Старец, слава Богу, всё идёт хорошо. Сейчас нам нужно поднять наверх доски. Будьте осторожны, доски тяжёлые. Давайте наберемся терпения, будем заносить наверх по одной доске. Не торопитесь».

Все стали носить доски. Отец Иларион, самый младший в общине, не мог спокойно носить по одной доске. Молодой, сильный, он брал сразу по три».

«Отец Иларион, – сказали ему братия, – доски тяжёлые. Не бери так много – надорвёшься».

Он не послушал их совета. «Пусть за собой следят, сказал сам себе. Я знаю, сколько могу унести».

Увидел это и Старец и увещевал его, но монах не обратил и на это внимания. Своим поведением, недопустимым для послушника, он расстроил Старца. Это был пример дьявольской гордости и непослушания.

Согласно монашеским правилам, суровое наказание ожидало послушника, обидевшего своего Старца. Время наказания для Иллариона приблизилось. Гордый монах, желавший поступать своевольно, поднялся в очередной раз на крышу каливы с тремя досками на плече. Как только положил их, ему сразу был нанесён удар – он подпал под власть бесовскую, стал одержим бесом. И каким страшным, ужасным бесом! Ярость его всполошила всю округу. Отвратительные слова вылетели изо рта его, его действия ужасали всех.

«Что случилось? В чём дело?», – спрашивали встревоженные отцы из соседних калив.

«Послушник старца Макария, Иларион, впал в одержимость! Илларион одержимый! Внутри него злой бес. Бог его наказал».

Отцу Игнатию немедленно сообщили о случившемся. Опытный в таких делах, он знал, что предстоит тяжёлая брань, чтобы изгнать этого беса.

Он сразу же сказал, чтобы несколько отцов иеромонахов собрались в келие Рождества, чтобы объединить молитвы и совершить таинство святого помазания страдальца.

Таинство совершали семь иеромонахов. Было что-то необычное. В воздухе чувствовалось особое волнение. При виде происходившего могли разорваться сердца. Посередине церкви лежал одержимый бесом Илларион, привязанный к доске веревками. Этому несчастному монаху мало было нести одну доску, нужны были три. Сейчас же его самого принесли на одной доске, привязанного. Несколько сильных монахов стояли рядом, потому что одержимый был страшно силен и мог разорвать веревки.

Стали молиться, прося исцеления, и святость молитвенная то и дело нарушалась воплями и оскорблениями злого духа.

Молитвы и слёзы отцов и сила святого таинства сотворили чудо: ужасный захватчик отступился от Иллариона. Страшное испытание окончилось, но гордый монах получил хороший урок, полезный также и многим другим. Все научились чему-то.

И отец Неофит, ученик отца Игнатия, извлёк пользу себе из этого опыта. Он сторожил одержимого монаха до помазания. Понимая, что Господь почему-то попустил такое, он спросил:

«Злой бес, ты зачем вошел в Иллариона?»

«Отстань! Ты что себе возомнил? Ты что думаешь, я скажу тебе?»

«Именем Пресвятой Троицы приказываю тебе сказать причину».

«Ха! Ты мне осмеливаешься ещё приказывать? Кто ты такой? Ты даже не священник! Я вошёл в него, потому что... потому что он гордый».

«Ещё приказываю – именем Пресвятой Троицы – скажи мне, что есть гордый человек?»

Под действием этого повеления, неохотно сделал демон такое замечательное признание:

«Что такое гордый человек? Вот что: тот, кто за целые сутки ни разу не подумает, что он грешник, и есть гордый». (Последние слова он резко выкрикнул).

Эти слова долго звучали в ушах отца Неофита. «Боже мой, – повторял он время от времени, – сохрани меня от гордости». Он навсегда запомнил урок, полученный от демона.

«Бог гордым противится». Богодухновенные слова эти трижды повторяются в Священном Писании (Притч. 3, 34; Иаков. 4, 6; 1 Петр. 5, 5).

И в «Лествице» сказано об этом: «Гордость есть отвержение Бога» (Слово 23, 1). Слышали мы это много раз и ещё раз подтверждают это страдания гордого Иллариона, желавшего отличиться, неся две лишних доски, но получившего унижительное отличие.

Афонский старец иеросхим Иероним (Соломенцев) и Константин Леонтьев

ЧАСТЬ I. К вопросу духовного преемства

Имя русского афонского старца, первого духовного наставника Константина Леонтьева, должно быть знакомо всем, читавшим леонтьевские статьи, воспоминания и письма. Влияние на него отца Иеронима, жизнь под его духовным руководством в 1871–1872 годах на Святой Горе, в Русском Пантелеимоновом монастыре, определило дальнейшую судьбу Леонтьева и окончательно сформировало его мировоззрение – мировоззрение христианина, верного чада Православной Церкви, для которого главное – это спасение своей души, и вместе с тем патриота, заботящегося об укреплении и процветании своей Родины.

Только твердо стоя на церковной почве, можно правильно понять и оценить мысли и идеалы Константина Леонтьева. Их ценность заключается, прежде всего, в том, что они основаны на евангельском учении и выверены по святоотеческому наследию и церковным правилам.

Для исследователей русского Афона и биографов **отца Иеронима** важен сам дух леонтьевских сочинений. Они – и создававшиеся на Афоне, и самые поздние – пронизаны афонским духом, пропитаны той атмосферой древнего византийского церковного Православия, в которой жили афонские монахи, жил отец Иероним, в которой возрастали его духовные преемники. Нам также важно увидеть их рядом – наставника и ученика. В наше время имя отца Иеронима в России, да и на Афоне, вспоминается гораздо реже, чем во времена Леонтьева. Поэтому так важны живые леонтьевские свидетельства о своем «величественном, весьма суровом и обожаемом» наставнике, оценка его личности, содержание его бесед и наставлений.

В последнее время все больше возрастает интерес к обоим выдающимся личностям – к старцу и послушающему его слово. Собираются и переиздаются труды Константина Леонтьева. Собирается по крупицам и публикуется духовное наследие отца Иеронима, материалы к его жизнеописанию, мы начинаем углубленно вникать в его учение. Наследие старца Иеронима ценно для нас тем, что он создал духовную систему спасительного устройства жизни, которую можно назвать аскетически-общественной и которая пригодна для всех видов общинного христианского жития. И мы видим, что основные положения духовных сочинений и политической публицистики Константина Леонтьева, начиная с афонского периода его жизни, полностью совпадают с принципами этой системы.

Биография иеросхимонаха Иеронима (Соломенцова)

Рассмотрим кратко личность **иеросхимонаха Иеронима (Соломенцова)**, его жизнь на Афоне и его учение, чтобы проследить духовное преемство между ним и Константином Леонтьевым. Будущий великий старец (в миру Иоанн) родился в Старом Осколе в 1806 году, получил благочестивое воспитание в богобоязненной купеческой семье, предки которой происходили из духовного звания, с раннего детства прислуживал за богослужениями в храме, пел на клиросе. Духовные дарования его проявились очень рано, так что его даже называли юношей-старцем.

Оставив родительский дом в 25-летнем возрасте и прожив несколько лет в российских монастырях, он отправился в далекий путь «из варяг в греки», привлеченный рассказами об особо благодатном и святом месте – Афонской Горе.

На Афон он прибыл в 1836 году в числе первых русских паломников, попавших на Святую Гору после 100-летнего перерыва, связанного с постоянными русско-турецкими войнами. На Святой Горе он обрел то, о чем благочестиво мечтал с раннего детства. Афон, этот, по словам архимандрита Леонида (Кавелина), осколок Византии, оставался «духовной школой православного монашества» всех национальностей со всего света, где желающий спасения мог найти совершенный образец всех родов подвижничества. Имея любовь к безмолвию, Иоанн Соломенцов приобрел келлию (дом с храмом-параклисом) и поселился в ней с двумя появившимися у него учениками. Вскоре он был пострижен в мантию с именем Иоанникий и собирался всю жизнь провести в афонской пустыне. Но по благословению своего старца, известного афонского духовника иеросхимонаха Арсения, ему вскоре пришлось переселиться в Русик, как кратко греки называли Русский монастырь святого Пантелеимона.

Этот древний, известный с XII века монастырь давно уже перешел во владение к грекам. В начале XIX века монастырь испытал такой упадок, что протат (святогорское монашеское соборное управление) хотел продать его за долги. Маленькое греческое братство, среди которого не было ни одного русского монаха, во главе с пожилым игуменом Герасимом испытывало бедствия, голод, насмешки от афонцев за то, что несколько лет подряд не могли отпраздновать свой главный праздник (панигир), день памяти святого великомученика Пантелеимона.

Утешали себя пантелеимоновские греки известным святогорским пророчеством: «Бог не оставит сию обитель, но воздвигнет такого мужа, который ее возродит». Этим долгожданным мужем и стал русский монах

Иоанникий (Соломенцов). После слезных просьб пантелеимоновских греков о помощи в восстановлении монастыря, напутствуемый пророческими словами своего старца: «Иди в Русскую обитель: Господь там хочет сотворить нечто дивное», он вселился в 1840 году в Пантелеимонов монастырь, был рукоположен во священный сан, пострижен в великую схиму с именем Иероним и назначен духовником обители.

Почти полвека прожил он в Русике в неустанных трудах, прославившись как возобновитель русского афонского монашества, как ктитор – возобновитель и строитель Пантелеимонова монастыря, как известный многими благодатными дарованиями богомудрый, прозорливый старец-духовник.

Иеросхимонах Иероним, став первым помощником греку-игумену, так мудро повел монастырские дела, что постепенно нашел средства выплатить огромные долги обители, полностью восстановить и отстроить ее жилые и хозяйственные корпуса, благоукрасить храмы. Насельников в монастыре становилось все больше и больше, и в конце жизни отца Иеронима в обители собралось до 1000 человек. Братия состояла в основном из русских и греков, были и сербы, и болгары, и молдаване... Монастырь, как и все святогорские обители, жил, по свидетельству Леонтьева, «своей особой, не греческой и не русской, а православной жизнью».

Русский консул в Солуни (ныне Салоники) Константин Николаевич Леонтьев впервые приехал в Пантелеимонов монастырь в 1871 году. Обстоятельства приезда хорошо известны с его слов. Летом 1871 года он тяжело заболел, испугался смерти и взмолился, обращаясь к иконе Божией Матери, висевшей на стене, об исцелении, пообещав постричься в монахи на Афоне. И с ним произошло явное чудо – он выздоровел через несколько часов. Потрясенный и перерожденный действием благодати Божией, столь явственно ощутимой, он отправился на Афон, в Пантелеимонов монастырь. Там Константин Николаевич провел больше года, «изучая», по его свидетельству, «монашескую жизнь и испытывая себя», там он «вступил навеки в духовную связь с монашеством».

Каким Леонтьев увидел духовника обители – отца Иеронима?

Леонтьев пишет: «Это был не только инок высокой жизни, это был человек более чем замечательный. Не мне признавать его святым – это право Церкви, а не частного лица, но я назову его прямо великим: человек с великой душою и необычайным умом. Твердый, непоколебимый, бесстрашный, предприимчивый, смелый и осторожный в одно и то же время; глубокий идеалист и деловой донельзя, собою и в преклонных годах еще поразительно красивый, отец Иероним без труда подчинял себе людей, и даже я замечал, что на тех, которые сами были выше умственно

и нравственно, он влиял еще сильнее, чем на людей обыкновенных. Оно и понятно. Эти последние, быть может, только боялись его, люди умные, самобытные, умеющие разбирать характеры, отдавались ему с изумлением и любовью. Я на самом себе в 40 лет испытал эту непонятную, даже притягательную, силу. Видел это действие и на других».

«Он без труда овладел моей тогда очень гордой волей», – замечает Константин Николаевич. Леонтьев перечисляет батюшкины достоинства: «Он музыкант, он иконописец, он строитель, он богослов хороший, он Церкви подвижник неутомимый, он исповедник тонкости и опыта редких». Вот Леонтьев описывает «несказанно чтимого» пастыря во время богослужения: на лице его, «красивом, поразительно строгом, необычайно выразительном и твердом, светилось нечто особое – торжественное, тихое, серьезное».

Отец Иероним принял Константина Николаевича как своего духовного сына. Старец уделял ему много внимания, беседовал с ним часами и сам, по свидетельству Леонтьева, находил в этом удовольствие. Из воспоминаний Константина Николаевича ясно, что он мог обращаться к старцу в любое время со всеми своими недоумениями и вопросами.

В одном из поздних своих писем Леонтьев объясняет, кем для него тогда стал старец Иероним: «Для меня отец Иероним Афонский был и катехизатор, и старец. После Иеронима отец Амвросий Оптинский ничуть не удовлетворял меня. К тому же я невольно видел разницу в размерах дарований – не духовных, эти могли быть равны, а природных. У Иеронима были оба ума – и теоретический, и практический, он и рассуждал замечательно, и делал дело превосходно, и учил общему, и руководил частностями».

Полюбил Константин Николаевич и ближайшего ученика старца Иеронима, «покорного ему постриженника и сына» – схиархимандрита Макария (Сушкина), будущего прославленного игумена Русика, которого описал, как «великого, истинного подвижника» и «современного, живого, привлекательного человека». Важно отметить, что Леонтьев, как никто до и после него, понял характер отношений друг к другу двух великих старцев и их значение в жизни Афона. «Отец Иероним был организатор, отец Макарий был только ученик и последователь его. Отец Иероним восстановил на Афоне русское иночество, он создал новую русскую общину и прославил ее. Отец Макарий только приумножил его духовные насаждения. Самого отца Макария сформировал, утвердил и выучил отец Иероним, нередко и жестоким искусом»; «Отец Иероним был гений, а отец Макарий только дарование, несравненно меньшее».

О них обоих пишет Константин Николаевич: «Учусь у них и умнею под старость, скорблю и блаженствую, каюсь и радуюсь и за честь себе считаю их дружбу, их участие, за дар Божий – их наставления!».

О том, как сам Леонтьев был воспринят афонскими духовниками, мы отчасти можем узнать из письма отца Макария к архимандриту Леониду (Кавелину): «Новый консул солунский Константин Николаевич Леонтьев – славянофил и с особым взглядом на вещи, переделавшийся из нигилиста в деиста».

Несмотря на кажущуюся излишнюю строгость в суждении афонского подвижника, это очень верно замечено. Леонтьев, «в первой юности» не чуждый либеральных идей и увлечений и называвший себя «почти нигилистом», имел веру в Бога, но по-настоящему православным, то есть церковным, человеком до Афона не был. Но для того Леонтьев и «поехал на Афон, чтобы строгие монахи научили его веровать», как вспоминал он впоследствии. О вопросах, волновавших тогда Константина Николаевича, и об ответах на них старца мы узнаем, вчитываясь в леонтьевский текст: «Как приобрести веру и страх Божий? Старец «как нельзя проще» посоветовал ему «повторять только трижды в день: “Господи, пошли мне веру в загробную жизнь и утверди ее в сердце моем”». Леонтьев свидетельствует, что после того, как он стал выполнять старческую заповедь, иногда даже сухо и невнимательно, Бог послал просимую веру и утвердил его в ней: «Я молился и уверовал. Уверовал слабо, недостойно, но искренне». С тех пор он «от веры и страха Господня отказаться уже не мог, если бы даже и хотел». В конце жизни Леонтьев с благодарностью написал: «Приятием личной веры я обязан афонским духовникам».

Батюшка объяснял Константину Николаевичу не только правила внешнего поведения «истинно хорошего монаха», но и разбирал с ним самые тайные движения души: афонский духовник говорил о том, насколько неистребим грех самолюбия – «с ним до гроба приходится бороться». А вот чрезвычайно важные и утешительные для Леонтьева – эстета, считавшего эстетикой «мерилом, наилучшим для истории и жизни» – слова старца, ставшие руководством к действию: «Да! Что делать?! У кого чувство изящного сильно, тот от него не отделается. Надо только стараться дать ему безгрешное направление».

Видимо, ученик хорошо усвоил слова наставника, если впоследствии писал: «Из человека с широко и разносторонне развитым воображением только поэзия религии может вытравить поэзию изящной безнравственности»; «Будем радоваться и благодарить Бога, в церковной разнообразной всецелости находящего Себе эстетическое выражение»; «Художественное чувство не может не видеть, сколько есть поэзии и в морали евангельской, и в богослужении православном, и в учении аскетическом».

Вот еще один очень важный разговор со старцем, во многом, видимо, определивший главные идеи Леонтьева и основные положения его статей.

Новообращенный благодуществующий христианин, он спрашивает старца: «Почему бы теперь-то и не процветать христианству? Нравы, несомненно, стали мягче. Озарить бы все это верой и любовью к вере... Это так естественно, так самому приятно, и даже поэзии в этом чувстве так много!» «Нравы, правда, много смягчились, – отвечал старец. – Но зато самонравие у множества людей чрезмерно возросло, увеличилась гордость. Не любят уже повиноваться никаким властям – ни духовным, ни светским: не хотят. Постепенное ослабление и упразднение властей есть приближение царства антихриста и конца мира. Одной мягкостью нравов христианства заменить нельзя».

В этом ответе старца намечены многие темы, разработанные и всесторонне раскрытые Леонтьевым в дальнейшем:

- пагубность либерального эгалитаризма, смешения и уравнивания прав;
- благотворность и спасительность крепкой власти, опирающейся на иерархическое строение общества, то есть православной монархии, способной надолго задержать предначертанное Божественным Откровением господство зла и неверия на земле и приход антихриста;
- невозможность достижения для человечества благоденствия на земле;
- подлинная нравственность основывается на христианском смирении.

Константин Леонтьев полностью погрузился в духовную атмосферу монастыря. В своей дипломатической записке 1871 года он характеризует обитель **«как примерную во всех отношениях»**, говорит о **«строгости ее иноческих нравов, порядке, благочинии и вполне русской красоте церковной службы»**. Самобытность русской церковной культуры, прекрасное пение, столь радовавшее паломников из России, сочетались в монастырской жизни с древними византийскими церковными традициями, подчас очень суровыми и недоступными пониманию мирского избалованного человека, именно: всенощными – действительно на всю ночь – бдениями; многочисленными постными днями; строгой дисциплиной монашеского общежития, когда в кельи нельзя ничего держать без игуменского благословения; откровением помыслов старцу; частой исповедью и причащением. Даже отсчет времени здесь был византийским. Вековой уклад обители, наполненный непрестанной памятью о Боге, порождал истинных монахов.

В древнее суровое общежитие, где многое держалось «узами внешней дисциплины», старец Иероним принес свое неусыпное отеческое попечение и любовью к чадам, он утвердил «духовный о Господе союз греков с русскими». «Собственное наше спасение и усовершенствование души нашей находятся в искании пользы для других, а не для себя самих, то есть жить для пользы других. “Более сея любви нет, да кто положит душу свою за други своя” (Ин. 15, 13)», – часто повторял старец евангельские слова.

«Души, теплоты, содержания на Востоке меньше, но там воспитание церковнее. Идеалом было бы соединение того и другого», – писал Леонтьев. Такое идеальное сочетание строгости и любви он обрел в отце Иерониме. Именно батюшка, по словам Леонтьева, раскрывал и объяснял русским паломникам, не ценившим «древнюю суровость» афонских греков, всю односторонность их понимания христианства, «которое должно быть милостиво, но должно быть и грозно по духу самого Евангелия»: «Религия всепрощения; да! Но вместе с тем и религия самобичевания, покаяния, религия не только неумолимой строгости к себе, но и разумной строгости к другим. “Иди и не греши...”», – сказал Христос, прощая блудницу. Он не сказал: “Иди, ты права!”».

Под руководством старца, свидетельствует Леонтьев, «православным он стал очень скоро» и был «обращен к самому существенному – к страху греха».

Отец Иероним всегда наставлял своих учеников, что, получив первоначальную благодать, они должны приложить усилие, чтобы удержать ее, и тогда уже будут «твердо стоять». Нужно иметь произволение на некий малый труд. Из рассказов самого Леонтьева хорошо видно, с какими усилиями пришлось ему понуждать себя к выполнению монашеских обязанностей: вот отец Иероним, сам усталый, измученный и больной, чуть ли не силой прогоняет Константина Николаевича из келии в храм на всенощное бдение; вот он доведен постом до крайнего изнеможения; вот не может встать на правило, но духовник советует ему начать хотя бы «с досады и тоской» – и молитва приходит; вот он не получил благословение на чтение столь интересной для него книги – и книгу приходится отложить, вот он задержался вечером в соседней келии поговорить, поспорить, но «старый батюшка» (так в монастыре все называли отца Иеронима) стучит в дверь, предлагая разойтись... Начинают приходиться к Константину Николаевичу и тонкие монашеские искушения: гордость подвижническая, воображение, что, дескать, «я уже безукоризнен, что я почти святой».

Так Леонтьеву «волей и неволей пришлось стать высоким подвижником духовным и телесным». Он понял, что «это состояние почти несносного ежеминутного понуждения – оно-то и есть настоящее монашество, то есть добровольное хроническое мученичество во славу Божию». Пройдя первые искушения и получив от Бога первые благодатные утешения за подвиг, он «понял важность» «всего того формализма, который в хорошем монашестве неизбежен и в высшей степени плодотворен для духа, ибо он-то, дающий так мало простора индивидуальным расположениям, даже нередко хорошим, может быть, более всего другого упражняет волю инока ежечасными понуждениями и смиряет его своенравие, заставляя иног-

да даже и движениям любви и милосердия предпочесть послушание начальству и уставу». «Форма есть деспотизм внутренней идеи, не дающий материи разбегаться», – вскоре напишет Леонтьев в своем главном труде «Византизм и славянство».

И если раньше все восточное, византийское вызывало в нем лишь эстетические чувства и практический интерес дипломата, то теперь древняя византийская церковность, греко-российское православие вошло в его душу и сердце личной верой, страхом Божиим, молитвенной памятью о Боге, а в плоть и кровь – участием в святых таинствах, церковной жизнью. Он научился понимать и любить «всю совокупность внешнего церковного культа», «вещественные явления внешнего богочитания», в которых (а не в одной отвлеченной морали) воплощаются «таинственные, духовные начала христианства». Человеком, «желающим блага Церкви», в одном разговоре назвал отец Иероним Константина Николаевича. Это благо Леонтьев видит в сохранении «сурового, не либерального, старого православия», святоотеческого «правильного богословия», в «строжайшем охранении православной дисциплины», покорности «мистически освященной иерархии», почитании монашества.

Как известно, до конца жизни Леонтьев разрабатывал темы монашества как «высокого цвета христианства», которое призвано выразить его «высший идеал»: «святость, отречение, аскетизм, самоотвержение о Христе»; соотношения страха Божия и любви к людям, аскетизма и милосердия в христианстве; подвижничества монахов и мирян. Леонтьева не смущало ни отсутствие большого сочувствия со стороны его литературных соратников, ни нападки со стороны духовных оппонентов.

Ведь и старец Иероним так всегда поучал: «Уступчивость там, где не следует, показывает только слабость духа, недостаток мужества и не полную емлемость за закон Божий, а смешанную с желанием частию угодить и миру, что невозможно. Нужно отстранить от себя малодушие и вредное человекоугодие и возвыситься духом над всем мелочным и грязными расчетами мира».

Выше мы заметили, что сама вековая атмосфера монастыря воспитывала, назидала, давала простор для «монашеского художества» и духовного творчества. Тем более что время, когда Леонтьев пребывал в монастыре, было чрезвычайно сложным, способствующим плодотворным размышлениям и важным заметкам.

Наряду с радостными для пантелеимоновской братии событиями, связанными с возрождением внешней и внутренней жизни обителя, происходили события совсем иного духа. В 1871–1872 годах разгорелись церковные противоречия между греками и болгарам, которые привели

к объявлению так называемой болгарской схизмы. Конечно, Афон, где было много насельников-болгар, сочувствовавших своим единоплеменникам, волновался.

Нужна была твердая вера в Промысл Божий и послушание церковной власти со стороны духовного руководства и братии Русского Пантелеимонова монастыря, чтобы, невзирая на невольную симпатию к братьям-славянам, принять единственное канонически верное решение: в то время когда монастыри Зограф и Хилендарь, населенные болгарами, выказали сочувствие болгарским националистам, в Русском монастыре было прочитано и принято к действию определение Константинопольского собора, по которому Болгарская Церковь была отлучена от церковного общения.

В ответ на болгарский филетизм (племенное пристрастие в церковно-канонических вопросах), только что объявленный Вселенским Патриархатом ересью, не-афонские мирские греки, так называемые «свободные эллины» (в основном афиняне), стали провоцировать греков афонских проявить свою ревность в решении национального вопроса на Афоне, то есть всячески преследовать и по возможности удалять русских и славян за его пределы.

В центре внимания «международной», как говорил отец Иероним, «афонской политики» оказался Русский монастырь, где 100-летний игумен-грек Герасим, всегда благоволивший к русским, фактически передал бразды правления монастырем русским духовникам Иерониму и Макарию, причем последнего он на случай своей смерти назначил себе преемником. «Вся злоба, вся интрига, вся эксплуатация разнообразных страстей и искушений направилась против русских монахов святого Пантелеимона, которые славились и на Святой Горе, и далеко за ее пределами своей высокой жизнью и великолепным, примерным во всех отношениях строем своей обители», – пишет очевидец событий Константин Леонтьев.

Старец Иероним непрестанно молился за вверенную ему Господом братию – и греков, и русских. Но он, будучи послушным сыном и помощником игумена Герасима, при всей своей любви и уважении к афонцам-грекам, хранителям церковных преданий и традиций, не мог допустить упразднения в Русской обители богослужения и чтения в трапезной на церковно-славянском языке в угоду «национальному фанатизму эллинской политики». Твердое упование отца Иеронима на Промысл Божий и на обетование Божией Матери афонцам, в соответствии с которым до скончания времен Святая Гора будет принадлежать православным монахам всех национальностей, не посрамило его. Правда Божия восторжествовала. Леонтьев в одной из своих статей того периода сообщает, что отец Иероним смиренно

просил Вселенского патриарха Иоакима II о помощи, и замечательный, дальновидный и добросовестный патриарх заступился за русских.

Окончательно смута была уvrачевана лишь в 1875 году с законным избранием отца Макария, утвержденного патриархом Иоакимом в игуменском достоинстве. (Нужно добавить, что в обители усердно молились за блаженной памяти патриарха Вселенского Иоакима II. Есть такая умилительная подробность: когда святейший патриарх скончался в 1878 году, монастырский секретарь иеросхимонах Мина включил его имя в «Каталог умерших отцов» Пантелеимонова монастыря наряду с почившей братией). Эти два события, в которых Леонтьев принимал самое живое участие и как дипломат, и как афонский насельник, вызвали его глубокие размышления. Ряд статей специально был посвящен им греко-болгарской распри, в которой он увидел зачатки грядущей величайшей опасности как для российской политики на Востоке, так и для Вселенского Православия.

Тогда же зародились темы, ключевые для всего творчества Константина Леонтьева:

- пагубность антиканонических деяний церковных деятелей, основанных на грубом национализме;
- возможности богатого духовного развития в творческом разнообразии при утверждении национальной самобытности и истинной культурно-национальной политике и гибельность политики национальностей как одной из сторон всемирного либерально-эгалитарного прогресса, названного им революцией;
- цели российского влияния на Востоке, возможное разрешение восточного вопроса и создание вслед за тем новой восточнославянской православной общности и культуры на Босфоре.

Эти темы будут доминировать в его творчестве и получают всестороннее развитие и обоснование.

Заметим здесь, что отец Иероним предлагал свое – духовное – решение восточного вопроса: каждый день он молился, чтобы Господь обратил ту-рок в Православие и тем закончились бы смуты на Востоке.

Монастырская жизнь между тем становилась все сложнее, значительно увеличилось число братии, требующей от отца Иеронима неустанного духовного попечения. Хозяйство обители пополнялось новыми службами, цехами, целыми заводами – братия многое потребное для своей жизни производила сама. Монастырь имел большие земельные владения на Афоне и за его пределами. Возрождались монастырские хозяйственные хутора, при греках заброшенные за недостатком средств. По-видимому, близкое знакомство с хозяйством Пантелеимоновой обители легло в основание предложенного впоследствии Леонтьевым экономического принципа построения об-

щества: «Самая неподвижная, самая неотчуждаемая форма владения есть, бесспорно, богатая, большой землей владеющая община, в недрах своих неравноправная относительно лиц, ее составляющих. К этому ведет история те государства, которым предстоит еще цвести, а не разрушаться».

Монастыри «процветают хозяйственно» еще и потому, что «движущее ими начало не чисто хозяйственное, не рационалистическое, а религиозное», пишет Константин Леонтьев. «Господь ущедрил обитель нашу за понуждение ко исполнению обетов монашеских общежительных, приносящих Богу ежедневно и ежечасно плоды духовные», – подтверждает и раскрывает его мысль старец Иероним.

«Всем, я думаю, известно, что греко-славянский православный Восток у нас, в России, очень мало знали до последнего времени», – писал Константин Леонтьев. Именно обширной внешней деятельности Пантелеимоновой обители, развернутой с конца 1860-х годов, Россия во многом обязана своим знакомством с Афоном, с другими величайшими святынями Востока и усилению интереса к ним. Отец Иероним всемерные усилия употреблял для открытия в России афонских подворий, живших по святогорскому уставу в древних византийских традициях афонского благочестия. Позднее, в 1875 году, в России был основан целый монастырь – Ново-Афонский Симоно-Кананитский.

Огромное значение для обители имела заведенная старцем душеполезная переписка с российскими корреспондентами, в результате которой многие люди находили ответы на свои духовные вопросы и недоумения, молитвенную поддержку, а обитель получала горячую благодарность за духовную помощь и пожертвования. Известны случаи, когда от монастырских писем с печатью, на которой был изображен великомученик Пантелеимон, в России происходили исцеления.

Отец Иероним начал оказывать деятельную помощь паломникам ко святым местам Востока, принимая и успокаивая их в монастыре на длительное время, как правило без всякой платы, учредил широкую книгоиздательскую деятельность, бесплатную рассылку изданных обителью миллионных тиражей нравственно-назидательных листов, брошюр и книг. Некоторые из них были написаны или составлены самим отцом Иеронимом (он был и духовным писателем) и его ближайшими учениками (в одной из своих работ Леонтьев упоминает известный труд монаха Азария (Попцова) «Акты Пантелеимонова монастыря»). От посланных в Россию икон из пантелеимоновской иконописной мастерской и афонских святынь во множестве происходили чудеса.

По мере роста своего благосостояния обитель смогла отпускать огромные денежные средства и посылать помощь продовольствием православ-

ному населению Македонии, бедным греческим и болгарским храмам, поддерживать беднейших афонских иноков-сиромасов, давать работу окрестному населению, дисциплинируя этих бедняков нравственно и приучая к строгой, внимательной жизни. Все это способствовало распространению доброй славы русских монахов и было существенной опорой российскому правительству в его политике поддержки православного населения Востока и усиления российского влияния. В 1880 году солунский консул Михаил Александрович Хитрово имел все основания назвать расцвет Пантелеимонова монастыря «великим делом русского Православия» на Востоке.

Подобная деятельность ни в коей мере не была самоцелью, а преследовала выполнение заповеди Господней о любви к ближнему ради угождения Богу и своего спасения. «Кто больше стал полезен тому же обществу, той же русской жизни: те ли разрушители по любви к уравненному и опошленному “человечеству” или эти созидатели русских религиозных общин на чуждом по быту Востоке, созидатели “селений Господа сил” по любви к своей собственной душе?», – вопрошает Константин Леонтьев.

Заключение

Анализируя духовный подвиг насельников горы Афон, удивляешься устремлению отцов стяжать Духа Святаго на опыте предыдущих поколений. И этот опыт выразился в трудах подвижников Русского Свято-Пантелеимоновского монастыря.

В рамках подготовки к празднованию юбилея 1000-летия русского монашества на Святой Горе Афон, который намечен на 2016 год, Афонским Свято-Пантелеимоновым монастырем при поддержке Международного фонда восстановления и сохранения культурного и духовного наследия Свято-Пантелеимонова монастыря начато издание грандиозной, не имеющей аналогов 25-ти томной серии «Русский Афон XIX–XX веков».

Этот издательский проект позволит наконец-то приоткрыть завесу неизвестности над русским святогорским наследием, несправедливо забытым на Родине в годы атеистических гонений на веру.

Общепринято считать, что афонское наследие имеет лишь греческие корни. Однако, на самом деле, Афон всегда был интернационален, и в его духовной сокровищнице славянское и в частности русское наследие всегда играло очень важную роль.

Архив Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне (РПМА) содержит уникальные материалы, свидетельствующие о высокой духовной культуре русских подвижников Святой Горы, соединивших лучшие

греческие и славянские святогорские духовные традиции. На протяжении многих веков это наследие играло решающую роль в формировании самобытной русской православной духовности и культуры.

Однако до настоящего времени почти все эти духовные сокровища русских афонитов оставались неизвестными и недоступным для наших соотечественников. Дабы преодолеть этот пробел, Свято-Пантелеимоновым монастырем и начат не имеющий аналогов 25-ти томный издательский проект под названием «Русский Афон XIX–XX веков».

Как вы уже поняли, серия будет иметь двадцать пять томов. При этом некоторые тома будут подразделяться на отдельные книги (иногда по две, а то и четыре книги). Таким образом количество самих книг в данной серии превысит 30 изданий.

Каждый том будет соответствовать особой тематике:

Первый том из указанной серии – «Русский Афонский Отчник. Или избранные жизнеописания русских старцев и подвижников, живших на Афоне в XIX–XX веках». Он увидел свет в 2012 году.

Изучив архивные материалы, обработав все имеющиеся в Свято-Пантелеимоновом монастыре письменные источники, мы получили возможность предложить читателю данный труд, который содержит жизнеописания выдающихся афонских подвижников – выходцев из разных регионов бывшей Российской империи. До сих пор ничего подобного по русскому святогорскому монашеству еще не издавалось.

Данная книга состоит из четырех разделов: в первый вошли жизнеописания выдающихся старцев и подвижников Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, всего 130 подвижников, особо отличившихся как своей высокой духовной жизнью, так и вкладом в созидание и процветание монастыря. Во второй, третий и четвертый разделы вошли жизнеописания 68 выдающихся старцев и подвижников Андреевского и Ильинского скитов, больших и малых русских келлий, пустынников и сироманов.

Это оригинальный труд, который, несомненно, будет способствовать возрождению духовного наследия Русского Афона. Помимо русского издания, нами осуществлен еще и греческий перевод книги.

Второй том из указанной серии – «Монахологий Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне». Он увидел свет в 2013 году.

Книга содержит сведения о более 4000 насельников Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря, проживавших здесь в период с 1803 по 2003 гг. Том проиллюстрирован хранящимися в архивах монастыря редкими фотографиями и оснащен несколькими системами поиска

данных: по монашеским именам; по фамилиям, которые носили монахи в миру; по губерниям, из которых они вышли; по географическим названиям, связанным с их жизнью (с дореволюционной топонимикой). Предложенные системы поиска позволяют читателю достаточно легко находить нужную ему информацию.

Издание состоит из четырех основных разделов: Насельники Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне; Насельники скита Новая Фиваида; Насельники Новоафонского Симоно-Кананитского монастыря; Современные насельники Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне.

Как известно, до сих пор не существовало издания, дающего представление обо всех насельниках Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, их количественном составе, различных социальных характеристиках и, что особенно важно в качестве отправной точки исследования, содержащего краткие биографические сведения о каждом из них.

III том. «Монахологий Русских обителей на Афоне».

Книга будет являться справочником энциклопедического типа, содержащим персональные данные о более 3000 насельников Андреевского и Ильинского скитов и других русских обителей на Афоне. Том будет проиллюстрирован хранящимися в афонских архивах редкими фотографиями монахов. Справочник будет также оснащен несколькими системами поиска данных, как и II-й том.

IV том. «История Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря от древнейших времен до 1725 года».

В нем мы намереваемся отразить подробную историю Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря. Книга будет основана на множестве до сих пор не публиковавшихся документов, снабжена богатым иллюстративным материалом и справочным аппаратом.

V том. «История Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря от 1725 года до 1912 года».

Том также будет основан на не публиковавшихся ранее документах, снабжен богатым иллюстративным материалом и справочным аппаратом.

VI том. «История Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря от 1912 до 2010 года».

Здесь также за основу будут положены не публиковавшиеся ранее документы, использованы редкие фотографии и иллюстрации.

VII том. «Каталоги библиотеки и архива Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне».

Этот том содержат каталоги библиотеки и архива Афонской Пантелеимоновой обители и разделен на четыре отдельные книги:

Каталог славяно-русских рукописей (X–XX вв.);

Каталог греческих рукописей и на других языках (VII–XVIII вв.);

Каталог редких печатных книг (1494–1799 гг.);

Каталог архива Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне (РПМА).

В 2013 году свет увидела первая часть указанного седьмого тома. В нее вошел «Каталог славяно-русских рукописей», хранящихся в библиотеке и архиве Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря.

Данный каталог славяно-русских рукописей предоставляет наиболее полную на сегодняшний день информацию об этом собрании: в нем даны описания 1435 рукописных единиц. Многие из них представлены впервые. Книга иллюстрирована фотографиями всех рукописей.

На данный момент в Афонской Пантелеимоновской обители полностью завершена работа по разбору и идентификации документов архива монастыря, а также подготовлен черновой вариант каталога этого архива.

Публикация каталогов Свято-Пантелеимонова монастыря также призвана привлечь внимание ученых к важнейшей задаче полного научного описания рукописного собрания обители и подготовит базу для такого рода исследований.

Этот том подготовит прочную основу к планомерному изучению и публикации ценнейших манускриптов Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Каталог архива также позволит определять цели и ориентиры исторических исследований, точно планировать и организовывать их проведение и т. п.

VIII том. «Сборник исторических актов, касающихся истории Русика».

В его состав войдут все документы, соответствующие нижеследующим критериям:

1) Документы, хранящиеся в архиве Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря, содержание которых непосредственно касается этой обители и других русских поселений на Святой Горе;

2) Другие документы, хранящиеся в том же архиве, но посвященные общеафонской тематике;

3) Документы, хранящиеся в архивах других афонских монастырей (а иногда и других стран), в которых речь идет непосредственно о Русской обители на Афоне и о других русских поселениях на Святой Горе.

IX том. «Духовное наследие старцев Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря иеросхимонаха Иеронима (Соломенцова) и схиархимандрита Макария (Сушкина)».

Том будет состоять из двух отдельных книг, содержащих обширные жизнеописания и творения выдающихся старцев и подвижников Русского Афона о. Иеронима (Соломенцова) и о. Макария (Сушкина): их дневниковые записи, письма, наставления и прочее. Книги будут иллюстрированы фотографиями и снабжены справочным аппаратом.

Первая часть тома посвящена возобновителю и духовнику Пантелеимонова монастыря иеросхимонаху Иерониму (Соломенцову).

Вторая часть тома посвящена игумену Пантелеимонова монастыря схиархимандриту Макарию (Сушкину).

X том. «Письма выдающихся личностей России к старцам Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне».

Он будет содержать никогда не публиковавшиеся ранее письма выдающихся церковных и светских деятелей России. В частности, письма таких русских церковных и светских деятелей, как:

1. Преподобного Амвросия Оптинского (Гренкова);
2. Святителя Феофана Затворника (Говорова);
3. Святителя Николая Японского (Касаткина);
4. Священномученика Арсения (Стадницкого);
5. Епископа Порфирия (Успенского);
6. Архимандрита Исаакия Оптинского (Антимонова);
7. Святителя Николая (Велимировича) Сербского;
8. Архимандрита Леонида (Кавелина);
9. Архимандрита Антонина (Капустина);
10. Преподобной Анастасии (Великой Княгини Александры Петровны);
11. Митрополита Московского Макария (Парвицкого-Невского);
12. Митрополита Санкт-Петербургского Антония (Вадковского);
13. Священномученика Никодима (Кононова), епископа Белгородского;
14. Священномученика Серафима (Чичагова);
15. Протопресвитера Петра Благовещенского;
16. Священномученика Владимира (Богоявленского), митрополита Киевского;
17. Архиепископа Анастасия (Грибановского);
18. Митрополита Антония (Храповицкого);
19. Архиепископа Вениамина (Федченкова);

20. Святителя Иоанна (Максимовича);
21. Протоиерея Георгия Флоровского;
22. Протоиерея Стефана Ляшевского;
23. Архиепископа Аверкия (Таушева);
24. Митрополита Антония (Блума) Сурожского;
25. Епископа Кассиана (Безобразова);
26. Константина Николаевича Леонтьева;
27. Великого князя Николая Николаевича (старшего);
28. Князя Дмитрия Голицына-Муравлина;
29. Князя Николая Леонидовича Оболенского;
30. Княгини Марии Александровны Святополк-Мирской;
31. Князя Н.Д. Жевахова;
32. Ивана Сергеевича Шмелева;
33. Бориса Константиновича Зайцева;
34. Владислава Альбиновича Маевского;
35. Сергея Николаевича Большакова;
36. Георгия Васильевича Флоровского;
37. Антона Владимировича Карташова и др.

XI том. «Афонское Добротолюбие».

Книга будет содержать творения насельников Святой Горы Афон о безмолвии и молитве, созданные после издания Добротолюбия.

XII том. «Граф Игнатьев и Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне».

В книге будут впервые, на основе ранее не публиковавшихся архивных документов, подробно отражены многогранные отношения выдающегося российского дипломата, чрезвычайного и полномочного посла Российской империи в Османской империи, члена Государственного совета империи, министра внутренних дел графа Николая Павловича Игнатьева (1832–1908) с Русским на Афоне Свято-Пантелеимоновым монастырем.

XIII том. «Русская дипломатия на Востоке и Русский Свято-Пантелеимонов Монастырь на Афоне».

В книге будет отражена роль русской дипломатии на Востоке на основе редчайших, ранее не публиковавшихся документов архива Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря.

XIV том. «Переписка схимонаха Матфея (Ольшанского) с учеными востоковедами России и других стран».

Книга будет содержать ранее не публиковавшиеся письма ученых библиографов, историков-востоковедов, археографов из России и других стран Европы, таких как:

1. Алексея Афанасьевича Дмитриевского;
2. Ивана Саввича Пальмова;
3. Ивана Егоровича Троицкого;
4. Степана Ивановича Пономарева;
6. Вячеслава Платоновича Уварова;
7. Николая Фомича Красносельцева;
8. Александра Ивановича Алмазова;
9. Василия Михайловича Истрина;
10. Дмитрия Васильевича Айналова;
11. Петра Алексеевича Лаврова;
12. Егора Кузьмича Редина;
13. Никодима Павловича Кондакова;
14. Полихрония Агапиевича Сырку;
15. Владимира Николаевича Бенешевича;
16. Николая Васильевича Покровского, директора Императорского археологического института;
17. Федора Ивановича Успенского, ученого секретаря Русского археологического института в Константинополе;
18. Ивана Васильевича Попова, профессора Московской духовной академии;
19. Хрисанфа Мефодьевича Лопарева;
20. Спиридона Ламброса;
21. Мануила Гедеона;
22. Емиля Леграна (Emile Legrand);
23. Габриеля Милле (G. Millet);
24. Луи Пети (Lui Petit).

XV том. «Афонский период жизни архиепископа Василия (Кривошеина) в документах».

В него вошли до сих пор не публиковавшиеся архивные материалы из личного архивного фонда выдающегося деятеля Свято-Пантелеимонова монастыря и Русской Православной Церкви архиепископа Василия (Кривошеина). Книга подготовлена в сотрудничестве с прямыми потомками архиепископа Василия, оснащена научными комментариями и предисловием.

XVI том. «Летопись чудесных событий в Русском Пантелеимоновом монастыре от основания до 1993 года».

Книга будет содержать хронологически упорядоченные описания чудесных и духовно значимых событий, засвидетельствованных и хранящихся в документах архива Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. Это будет своеобразная духовная летопись монастыря. Каждое отдельное чудо по-своему интересно, но когда мы их собрали воедино и расположили четко по годам, то открылся явный Промысел Божий о русском монастыре, свидетельствующий и о непрестанной заботе Господа и Божией Матери о русской святогорской обители.

XVII том. «Жизнеописание и духовное наследие иеромонаха Арсения (Минина)».

Книга будет содержать духовно значимые творения православного духовного писателя, издателя и редактора, иеромонаха Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря о. Арсения (Минина, 1823–1879): его дневниковые записи, письма и т. д. Многие из этих документов никогда не были опубликованы.

XVIII том. «Жизнеописание и духовное наследие преподобного Аристоклия (Амвросиева)».

Книга будет содержать духовные творения выдающегося русского подвижника и старца преподобного Аристоклия Афонского (1846–1918), а также выдержки из его писем к старцам Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря.

XIX том. «Жизнеописание и духовное наследие иеросхимонаха Агафодора (Буданова)».

Этот том будет содержать ранее не публиковавшиеся духовные творения ученика старцев Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря, духовника русской святогорской обители и антипросопа в Священном Киноте Афона иеросхимонаха Агафодора (Буданова, 1845–1920): его духовные размышления, письма, дневниковые записи и другое.

XX том. «Жизнеописание и духовное наследие схимонаха Леона (Воскресенского)».

В книгу войдут не публиковавшиеся ранее духовные творения насельника Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря схимонаха Леона (Воскресенского, 1862–1914): духовные размышления, письма, дневниковые записи. В частности, хранящиеся в архиве монастыря рукописи: «Сокровища души в соединении ее с духовным миром», «Трезвение священноинока на Святой Афонской Горе в обители святого Великомуче-

ника и Целителя Пантелеимона», «Нравственно-аскетический сборник» и другое.

XXI том. «Жизнеописание и духовное наследие схиархимандрита Кирика (Максимова)».

Книга будет содержать духовно значимые творения насельника Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря, настоятеля Афонского подворья обители в Одессе, назначенного в 1931 г. сербским патриархом Варнавой духовником всего духовенства Белграда, схиархимандрита Кирика (Максимова, 1864–1938): его духовные размышления, письма, дневниковые записи и другое.

XXII том. «Жизнеописание и духовное наследие преподобного Силуана (Антонова) Афонского».

Книга будет содержать духовные записки выдающегося подвижника Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря преподобного Силуана Афонского (1865–1938) с комментариями и иллюстрациями.

XXIII–XXV тома будут содержать литературное наследие исторического характера старцев Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря: описание Афона, Иерусалима и других святых мест Востока:

Том XXIII. «Исторические творения отцов Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. Часть первая». В состав тома войдут труды: Иеросхимонаха Серафима (Веснина); Схиигумена Парфения (Агеева); Схимонаха Селевкия (Трофимова); Схиархимандрита Михаила (Козлова).

Том XXIV. «Исторические творения отцов Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. Часть вторая». В состав тома войдут труды: Схиархимандрита Макария (Сушкина); Монаха Азария (Попцова); Архимандрита Пантелеимона (Сапожникова); Иеросхимонаха Парфения (Заблоцкого); Иеросхимонаха Мины (Буданова); Схимонаха Матфея (Ольшанского); Иеросхимонаха Агафодора (Буданова); Схимонаха Денасия (Юшкова); Иеросхимонаха Владимира (Колесникова);

Схимонаха Амвросия (Болотова);
Монаха Мелетия (Фредерикса).

Том XXV. «Исторические творения отцов Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. Часть третья».

Издание этих трех томов запланировано на 2017–2020 годы.

Как вы могли убедиться, данный издательский проект Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря, приуроченный к празднованию юбилея 1000-летия русского монашества на Святой Горе Афон, без преувеличения можно считать не имеющим аналогов. Он имеет огромное значение в деле восстановления русского святогорского наследия, на основе которого только и возможно подлинное духовное возрождение Святой Руси, как это было и 1000 лет назад, когда преп. Антоний Печерский принес со Святой Горы на Русь благодатную лампаду духовного просвещения и подвижничества.

Реализация этого проекта требует невероятных усилий и труда большого числа ученых и духовных лиц, их взаимодействия и сотрудничества. Поэтому так важна наша ежегодная конференция «Афон и славянский мир», способствующая консолидировать усилия ученых многих стран для успешного осуществления данного проекта.

Напоследок я бы хотел еще раз процитировать слова духовника Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря иеромонаха Макария: «Русские афонцы соединили в себе местную афонскую духовную культуру и свою родную русскую духовную традицию, и на их фундаменте, в недрах своих сердец, выработали основанную на христианской любви особую духовную культуру, которая призвана стать одним из важнейших факторов, способствующих выходу из того духовного кризиса, в который впал современный потребительский мир. Поэтому мы просим всех болеющих сердцем за духовное будущее России и всего православного мира поддержать наши благословенные усилия в осуществлении нашего издательского проекта».

ЛИТЕРАТУРА

Азария, монах. Афонский Патерик, или Жизнеописания святых, во Святой Горе просиявших, в двух книгах. – СПб., 1860.

Азария, монах. Вышний покров над Афоном, или Сказания о святых чудотворных, в Афоне прославившихся, иконах Божией матери и других святых. – СПб., 1860.

- Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. – М., 1997.
- Полунов А. Ю.; Соловьёв И. В. Жизнь и труды академика Е. Е. Голубинского. – М., 1998.
- Порфирий (Успенский), архим.-епископ. Указатель актов, хранящихся в обителях Святой Горы Афонской. – СПб., 1847.
- Порфирий (Успенский), епископ. Второе путешествие по святой Горе Афонской в годы 1858, 1859 1861 и описание скитов афонских. – М., 1880.
- Порфирий (Успенский), епископ. История Афона. – М., 2007.
- Порфирий (Успенский), епископ. Описание монастырей афонских в 1845–1846 гг. – СПб., 1848.
- Порфирий (Успенский), епископ. Первое путешествие в афонские монастыри и скиты архимандрита, ныне епископа Порфирия (Успенского) в 1845 и 1846 году. – Ч. I–II. – Киев, 1877.
- Сергей (Веснин), иеросхимон. Нынешний Русский Пантелеимонов монастырь на Св. Горе Афонской. – СПб., 1854.
- Сергей (Веснин), иеросхимон. Путеводитель по Св. Афонской Горе и указатель ее святынь и прочих достопамятностей. – М., 1854.
- Сергий (Веснин), иеросхимон. Письма к друзьям о Святой Горе Афонской. – СПб., 1856.
- Сказание о земной жизни Пресвятой Богородицы с изложением учения Церкви, прообразований и пророчеств о Ней и Чудес Её. – СПб., 1869.
- Сочинения и письма Святогорца, собранные после его смерти. – СПб., 1858.
- Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. – Вильнюс, 1991.